

সবাই

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ЧЁТКИ»

Хумаюн Ахмед

হুমায়ূন আহমেদ

ВСЕ В ЛЕС ПОШЛИ...

গেছে

বনে

Хумаюн Ахмед

Все в лес пошли... (сборник)

«Марджани»

УДК 821.214.32-31Ахмед Хумаюн
ББК 84(5Бан)-44я44

Ахмед Х.

Все в лес пошли... (сборник) / Х. Ахмед — «Марджани»,

В настоящий сборник вошли произведения современного бангладешского писателя Хумаюна Ахмеда, написанные им в разные годы. Герои Х. Ахмеда – милые, не слишком практичные люди. Каждый из них чем-то похож на автора, в каждого он вложил частичку своей индивидуальности или своей судьбы. Первая повесть названа строкой из стихотворения «Сегодня любоваться полнолунием / все в лес пошли» любимого всеми бенгальцами Рабиндраната Тагора. Это грустный рассказ о жизни бангладешской диаспоры в Америке. Образованные, интеллигентные, уже не совсем бенгальцы, но еще – а может быть, никогда – не американцы, они всеми силами пытаются сохранить свои ценности, свой взгляд на мир и при этом вписаться в новую для них действительность. Однако эти попытки оказываются тщетными – они не могут найти себя в чужом мире. Вторая повесть – «Осторожно, бхуты!» – рассказывает о пожилом учителе, неожиданно подружившемся с... привидением, бхутом – героем бенгальских сказок и детских «страшилок». Дружба с бестелесным существом, так похожим на главного героя, помогает тому преодолеть одиночество и начать новую жизнь. Герой остальных вошедших в сборник повестей – дакский паренёк по имени Химу – любимый литературный персонаж современной Бангладеш. Его поведение всегда непредсказуемо, но всем, кто его окружает, он несет свет и улыбку. Химу отличается редким чувством юмора и даром доброты – качествами, присущими автору и щедро выплеснутыми им на страницы повестей о Химу.

УДК 821.214.32-31Ахмед Хумаюн

ББК 84(5Бан)-44я44

© Ахмед Х.
© Марджани

Содержание

От составителя	8
Все в лес пошли...	11
Осторожно, бхуты!	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Хумаюн Ахмед

Все в лес пошли... (сборник)

- © Ашмянская И. С., перевод
- © Бронников П. В., перевод
- © Волков А. В., перевод
- © Гербст А. Ю., перевод
- © Калинина Ю. С., перевод
- © Прокофьева И. Т., сост., предисл.
- © Издательский дом Марджани

* * *

আমি বিষয় ও আলম নিয়ে মুগ্ধ

আন্তর্জাতিক সম্মেল- বিশ্ববিদ্যালয় থেকে

আমার কিছু বই বামিয়ান ভাষায় অনুবাদ

হয়েছে। যা যা এই কার্যে করেছেন তাদেরকে

ঈশ্বরাদ। আমার কথা বামিয়ান ভাষায় পাঠ

হল তবুে প্রামাণিক পাঠি করছি। কারণ এই

ভাষায় প্রাচীর মত লেখকরা লিখেছেন — আলেক্সান্ডার

পুশকিন, টলস্টয়, দস্তয়েভস্কি, আমি ভাষ্যকার।

সুখের আলম-

Я с удивлением и радостью узнал, что некоторые мои книги переведены на русский язык в Институте международных отношений. Спасибо тем, кто проделал эту работу. Я испытал сильнейшее волнение, когда узнал, что мои повести будут читать по-русски. Ведь на этом языке творили такие великие, всемирно известные писатели, как Александр Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов. Похоже, мне сильно повезло.

Хумаюн Ахмед

От составителя

Есть такая страна Бангладеш. И живут в ней бангладешцы. Впрочем, назывался этот народ по-разному. Населяя до 1947 года восточную часть провинции Бенгалия в Британской Индии, звались они восточными бенгальцами. По вере своей были мусульманами. После ухода англичан из Индии и раздела ее на два государства добровольно вошли в Пакистан и стали именоваться восточными пакистанцами. Другие бенгальцы, западные, исповедующие индуизм, остались в Индии, образовав штат Западная Бенгалия. Говорят и восточные, и западные бенгальцы на одном и том же – бенгальском – языке. И всегда считали, да и продолжают считать, себя наследниками единой великой бенгальской культуры. А культура эта дала миру много гениев, не буду их перечислять, так как все индийцы, о которых знает мир, почти наверняка, за исключением разве что Махатмы Ганди, – бенгальцы. Упомяну лишь самого известного из них – Рабиндраната Тагора, первого неевропейского нобелевского лауреата по литературе.

Отделенные от Западного Пакистана тысячей километров индийской территории, восточные пакистанцы плохо вписывались в структуру нового исламского государства, да и центральные пакистанские власти смотрели на свою далекую провинцию скорее как на колонию. В то время как западные пакистанцы говорили на урду – общем языке мусульман Южной Азии, восточные – продолжали говорить на родном бенгальском и не собирались не только жертвовать им в пользу государственного урду, но даже переходить со своей особой системы письма на общемусульманскую – арабскую. Это их упорство, будившее ярость пакистанских властей, привело в конце концов к борьбе за независимость. Борьба была жестокой и кровавой. Бенгальцы до сих пор с горечью называют число потерь в освободительной войне – три миллиона человек. Но эти многочисленные жертвы оказались не напрасными, и в 1971 году на карте мира появилось новое государство – Народная Республика Бангладеш, с тех пор и стали люди, ее населяющие, гордо именовать себя бангладешцами.

Автор этой книги – Хумаюн Ахмед (род. в 1948 г.) – бангладешец. Химик по образованию, некоторое время проживший в Америке и защитивший именно там, в университете Северной Дакоты, докторскую диссертацию по химии полимеров, он вернулся в Бангладеш и стал преподавать в столичном, Даккском, университете. Даже написал научную книгу, но не она принесла ему славу в родной стране. Наука вообще не приносит славы среди бенгальцев. Ученых уважают, почитают, могут даже гордиться ими. Но громкую известность, настоящую славу в обеих Бенгалиях приносит только литература. Не думаю, что Х. Ахмед был тщеславен и раздосадован на невнимание публики к химии полимеров, просто бенгальцы такие люди, которые не могут не писать. В жизни каждого из них, даже самого степенного и серьезного ученого, рано или поздно наступает момент, когда он берется за перо. С разным, надо заметить, успехом. Иногда и вовсе без него... Успех же Х. Ахмеда с первых его публикаций был ошеломляющим. Страна полюбила не только его самого, но и его героев, которые вошли в жизнь бангладешского среднего класса на правах близких людей, почти родственников, с которыми не хочется расставаться. Если бы Хумаюн Ахмед вдруг раздумал писать, ему бы просто не дали этого сделать. Читающая публика готова ждать новых рассказов о любимых персонажах, но не долго. Писателю приходили и приходят письма с просьбами, даже требованиями, поскорее рассказать, что случится с тем или иным героем дальше, а издатели торопят с новыми книгами, чтобы попытаться удовлетворить ненасытный аппетит читателей. Многие книги Х. Ахмеда, вовсе не задумывавшиеся им как истории с продолжением, превратились в своего рода сериалы. А бангладешцы все ждут и ждут новых приключений странного даккского паренька Химу, разгуливающего по столице в своей неизменной желтой рубашке и непременно босиком, или проницательного, обладающего тонким умом и отменной логикой

Мисира Али, непринужденно распутывающего сложнейшие преступления. Впрочем, «литературный сериал» о Мисире Али еще ждет своих переводчиков.

Кстати, о сериалах... Второй, после литературы, страстью бенгальцев является кино. Вот здесь попрошу не путать великое бенгальское кино с бомбейской киноиндустрией, наводняющей своей продукцией всю Индию и кинорынок стран, которые раньше именовались «третьим миром». Ничего не имея против массового кинопроизводства, замечу только, что бенгальское, а точнее, калькуттское, кино – это штучный товар, если слово «товар» вообще применимо к творениям Сатъяджита Рая, Мринала Сена или Ритвика Гхатака, великих бенгальских режиссеров. Сатъяджита Рая называют Феллини Востока, а знаменитый японец Акира Куросава и вовсе считал С. Рая своим учителем в киноискусстве. С. Рай между прочим тоже, уже будучи «оскароносным» режиссером (первого «Оскара» он получил за свой дебютный фильм, а потом, на склоне лет, стал обладателем еще одного), начал писать замечательные книги. Это так, ремарка в подтверждение моего тезиса о том, что все бенгалцы рано или поздно начинают заниматься литературой. Не назову, пожалуй, ни одного мало-мальски известного международного кинофестиваля, призы которого хотя бы раз не отправлялись в Калькутту. А что это за город, Калькутта? Это столица современного индийского штата Западная Бенгалия, которая до 1911 г. была столицей Британской Индии, а до раздела Индии в 1947 г. столицей единой Бенгалии. И живут там тоже бенгалцы. И если все бенгалцы мечтают заниматься литературой, то почти все еще и пытаются попробовать себя на поприще киноискусства. Попытался и Х. Ахмед. И, замечу, тоже успешно. Его фильмография насчитывает несколько десятков фильмов, полнометражных, для широкого экрана, и телевизионных, в том числе – сериалов. Новая страсть захватила Х. Ахмеда целиком, и, если бы не настойчивость читателей и издателей, он, наверное, целиком ушел бы в кинематограф. По крайней мере, застать его дома, в Дакке, в последние годы невозможно. Его домашние регулярно сообщают, что он то ли уже уехал на очередные съемки, то ли еще не приехал с них.

Я узнала имя Хумаюна Ахмеда в 2000 г., когда случайно мои московские друзья – бангладешцы дали почитать несколько его повестей и рассказов. Тут я поняла: вот он, мой союзник в деле преподавания бенгальского языка и пропаганды бенгальской культуры среди молодого поколения – моих студентов, изучающих бенгальский язык в МГИМО. Мы начали читать его произведения на втором курсе и занимались этим во время всех лет учебы. Отважились взяться за перевод. Читали студенты с восторгом, а переводили с азартом. И хотя художественный перевод не входит в программу нашего почтенного учебного заведения, я понимала, что не трачу времени зря. Чем дольше студенты работали над переводом книг Х. Ахмеда, тем глубже проникали в логику языка, в психологию народа, чьим отражением язык и является, а главное – тем больше симпатизировали людям, которые живут, влюбляются, горюют, радуются, плачут, шутят, умирают в этой далекой и почти никому не известной Бангладеш. Результатом наших усилий явились две публикации в журнале «Чётки» и изданные крошечным тиражом две небольшие книжки «Из Бангладеш с любовью» и «Бродяга из Дакки, или Истории из жизни Химу, рассказанные им самим». Выход обеих книг сопровождался их презентацией в Центре восточной литературы Российской государственной библиотеки, на которых присутствовал посол Бангладеш и много других гостей, бенгальцев и русских. Мы открыли «Клуб Химу», членами которого могут стать все, кто полюбил бенгальскую литературу и симпатичного героя повестей Х. Ахмеда, носящего это странное не только для русских читателей имя. Единственным условием принятия в клуб является готовность приходить на его заседания в желтых, как у героя, рубашках. Кстати, эта готовность говорит о многом, прежде всего – о внутренней раскованности, ребячливости, незакомплексованности и, конечно, о чувстве юмора – качествах, без которых и вовсе не стоит читать Хумаюна Ахмеда. Сам автор недавно давал интервью BBC и с радостью поделился новостью о том, что его не только знают и переводят в далекой России, но и открыли там клуб друзей его героя. «А главное, – сказал он интервьюеру, – вы только

представьте: они приходят туда в желтых рубашках!» Значит, мы угадали: и для автора желтая рубаха тоже – знак непосредственности, искренности и открытости, готовности принять новую культуру.

Я хотела бы поблагодарить переводчиков этой книги, моих учеников, тогда студентов МГИМО: Инну Ашмянскую, Юлию Калинину, Андрея Волкова, Павла Бронникова и Артура Гербста. Сейчас это уже солидные и занятые люди, какими бывают только очень молодые специалисты. Кто-то из них стал дипломатом, кто-то избрал другую стезю. Но мне кажется, что месяцы, потраченные на перевод повестей, составивших эту книгу, еще не раз всплывут в их памяти как замечательное время, наполненное творчеством и восторгом общего дела. Для меня же – это период полного счастья, полного единения со своими учениками, тот момент, о котором, наверное, мечтает каждый преподаватель – когда видишь, как увлечены твои подопечные делом, которому ты отдаешь всю свою жизнь.

Ирина Прокофьева

Все в лес пошли...

সবাই গেছে বনে

I

Ну и погода. Настроение портится от одного взгляда на небо. Нанесло туч, стало темно, и словно бы сам Шива разошелся в яростной пляске, предвещавшей бурю.

Анис собирался выпить кофе, погода его немного расстроила, эти тучи вызывали ностальгические воспоминания.

Андерсен шел на стоянку, но, увидев Аниса, остановился.

– Ты еще не уехал? – спросил он своим высоким голосом. – Ожидается сильная гроза, возможно, буря – особое предупреждение метеобюро.

– Сначала кофе попью.

– Может, тебя подвезти? Я могу. Я на машине.

– Нет, не стоит.

Здесь сильных дождей не бывает, вот все и переполошились. Студенческий городок опустел. В кофейне, неожиданное дело, несмотря на уик-энд, никого не было. Обычно сидят приодетые по случаю девушки, ребята назначают здесь свидания.

Анис взял чашку кофе и пошел в левую часть зала. Там, в дальнем конце кофейни, стояли пять разделенных перегородками столиков. Анис больше всего любил третий, даже в час пик там всегда было пусто. Сегодня же вся кофейня была пуста, но за его столиком сидела какая-то старушка.

– Можно здесь присесть?

Старушка, вероятно, спала – от слов Аниса она вздрогнула.

– Да-да, конечно.

Уже сев, Анис понял, что совершил ошибку. Эти американские старушечки молча сидеть не умеют: своей трескотней за десять минут доведут до головной боли.

– Ты из Индии, конечно?

– Нет, я не индеец.

– Значит, из Малайзии?

– Нет, я бангладешец.

– Это где?

– Маленькая страна между Индией и Бирмой.

– Насколько маленькая?

– Очень маленькая, в два раза меньше Северной Дакоты.

Старушка уставилась на Аниса. Он затаил дыхание: сейчас она передохнет немножко, и снова начнется.

– Слыхали, особое предупреждение: ожидается гроза, возможно, буря.

– Да, слышал, очень плохая погода.

– Ты здесь в университете учишься?

– Нет, я здесь преподаю.

– А какой предмет?

– Химию. Химию полимеров.

Анис начинал раздражаться. Нет границ старушечьему любопытству, оно может кого угодно из себя вывести. Его собеседница тем временем вынула из сумочки сигареты и зажегала, прикуривая, спросила:

– Ты слышал об Эмили Джахан?

– Нет, а кто это?

– Здесь она известный поэт, в прошлом году получила награду Писательской гильдии.

– Нет, не слыхал, я не силен в литературе.

Старушка сильно затянулась сигаретой и протянула Анису руку:

– Я Эмили Джахан, очень рада с тобой познакомиться.

Анис растерялся, а старушка, помолчав немного, продолжала:

– Я подумала, раз ты так долго выбирал столик в пустой кофейне и в конце концов сел со мной, значит, ты меня знаешь и хочешь поговорить. Ну скажи, кто еще сядет со старухой?

Анис не знал толком, что сказать, но что-то сказать было надо.

– Ты еще не сказал, как тебя зовут.

– Анис Сабет. Рад знакомству с таким известным поэтом.

Старушка тихо, почти шепотом, произнесла:

– Да я не слишком и «такая». Награду Писательской гильдии вручают только самым посредственным поэтам. Ни один стоящий автор ее еще не получал. Я тогда так расстроилась, что и сказать не могу. Это не награда, а ярлык: «Осторожно, третий сорт!»

Старушка поднялась.

– Может, еще увидимся? – спросила она и, прежде чем Анис что-нибудь ответил, произнесла:

*Один полетел в чащу,
Другой полетел к опушке,
А третий пролетел над гнездом кукушки.*

Анис долго еще сидел один. Отсюда не было видно неба, только падающие капли воды. Нет, разница слишком велика: не слышно ни звона дождя, ни шороха листьев, ни кваканья лягушек. Так сразу и не скажешь, что снаружи небо объято тьмой и штормовой ветер рвет облака.

– Внимание, внимание. Через десять минут кофейня закрывается. Внимание...

«Глупо это, – подумал Анис, выйдя из кофейни, – надо было давно уже ехать домой. Ну и гроза!»

На улице было пусто, на стоянке ни одной машины. Анис отправился в здание Мемориал-холла, там можно было почитать журналы, а в крайнем случае – даже скоротать ночь на диване. В зале стояло пианино в викторианском стиле и два автомата: с горячим шоколадом и пепси.

В дальнем углу на диване парень обнимался с совсем молоденькой девушкой. Одной рукой он пытался расстегнуть крючки на ее блузке, а она хихикала и делала вид, что сопротивляется. Анис притворился, будто ничего не видит, и прошел к автоматам, как вдруг выключили свет. Обычно здесь такого не бывает. Что бы ни произошло, электричество есть всегда.

Анису показалось, что девушка поднялась с дивана.

– У тебя сигаретки не найдется?

– Найдется.

– Не одолжишь?

Анис достал сигареты, девушка щелкнула зажигалкой и затянулась. Стали видны волнистые каштановые волосы и большие глаза. Виною тому свет зажигалки или по какой другой причине, но Анису подумалось, будто лицо девушки только что написали акварелью.

– Спасибо за сигарету, – произнесла девушка.

Парочка скрылась за пианино. Девушка все время как-то странно хихикала, наверняка выпила пива больше чем надо. Анис вытянулся на диване, света все еще не было.

– Это неприлично, руки убери, пожалуйста, – зашипела девушка на своего приятеля и захихикала. Потом наступила долгая тишина, только гроза на улице разошлась еще сильнее, молнии сверкали непрерывно. Анис еще лежал и заснул.

Когда он открыл глаза, буря уже улеглась, дали электричество, и зал Мемориал-холла был ярко освещен. Девушка сидела в полном одиночестве, забравшись с ногами на диван.

– Можешь мне еще сигаретку дать?

Анис дал ей сигарету, девушка спокойным тоном продолжала:

– Ты на машине?

– Нет, а что?

– Я бы тогда попросила подбросить меня до дома.

– Извини, но машины у меня нет.

– А где ты живешь?

– Двенадцатая авеню.

– А я могу с тобой дотуда прогуляться?

– Можешь.

– У меня сильно болит голова, – девушка провела рукой по лбу.

– А где твой приятель? – спросил Анис.

– Мой приятель? С чего это ты взял? Где он? Кто его знает. От его болтовни у меня голова разболелась.

Дождь перестал, дул холодный ветер. На улице девушка с самым непринужденным видом взяла Аниса под руку.

– У тебя дома аспирин есть?

– Есть.

– По-моему, у меня жар. Сейчас бы пару таблеток аспирина и чашку горячего кофе.

Анис ничего не ответил, у нее и вправду была температура, рука очень горячая.

– Я могу выпить у тебя чашку горячего кофе? Время еще раннее, вот я и спрашиваю.

– Да, на здоровье.

– Дай мне еще сигаретку.

– Голова только сильнее разболится.

– А мне все равно. Мне абсолютно все равно.

– Это хорошо.

– Хорошо, плохо – мне все равно.

Подойдя к дому, девушка встала как вкопанная и удивленно произнесла:

– Ну и здоровый! И он твой?

– Нет, я его снимаю.

– Я думала, ты студент.

– Нет, я не студент.

Анис принес аспирин и бутылку воды.

– У меня жар, – тихим голосом произнесла девушка, – у тебя есть термометр?

– Нет, нету.

– Была бы у тебя машина, ты бы мог меня подвезти.

– Я позвоню своему другу, он тебя подбросит.

– А я могу у тебя сегодня переночевать? Не хочу возвращаться домой.

Анис промолчал.

– Можно? – немного погодя переспросила девушка.

– Да, можно.

– Покажи мне спальню, я себя очень плохо чувствую.

Спальня была хорошо обставлена. Девушка некоторое время внимательно ее разглядывала, а потом немного нерешительно спросила:

– Ты будешь спать со мной?

– Нет.

– У тебя еще есть спальня?

– Да.

Девушка сняла туфли, развязала и сняла с головы шарф, вытерла им лицо и как ни в чем не бывало произнесла:

– Огромное тебе спасибо. Если хочешь, ты, конечно, можешь спать со мной, мне совершенно все равно.

– А как тебя зовут?

– Мелисса.

– Спокойной ночи, Мелисса.

Мелисса ничего не ответила. Анис нахмурился. «Что-то здесь не так, – подумал он. – Нельзя пускать домой всяких бродяжек.

Может, она проститутка, очередная испорченная городом девчонка». Но верить этому не хотелось – только настроение себе портить.

По телевизору шло шоу Джонни Карсона. Тот показывал, как президент Картер скалит зубы, когда улыбается. Хотя ничего забавного в этом не было, люди в студии просто корчились от смеха. Было непоздно, сеанс ночного кино на четвертом канале только начинался. Еще и часа не было. Анис заварил кофе. Эта странная привычка – пить кофе перед сном – появилась у него только в Америке. Интересно, Мелисса кофе будет? Наверное, нет. Зря он ее пустил. Кто знает, может она наркоманка, утром шум поднимет или еще что.

Лег Анис поздно. Он уже собирался гасить свет, но остановился. Странно, он совсем не помнил, как звали ту поэтессу. Необычное имя, начиналось вроде бы на «М». Теперь, пока не вспомнит, глаз не сомкнет, будет ворочаться в постели – это его старая болезнь, да и нервишки пошаливают. В висках застучало. Как же ее звали? И спросить некого... Хотя Шафик здесь уже давно. Можно ли будет ему звонить в такое время?

– Аллю, Шафик? Ты не спишь?

– Нет, что такое?

– Да ничего. Ты слыхал о какой-нибудь местной поэтессе? Очень пожилая.

Шафик помолчал и спросил:

– Анис, что случилось?

– Да ничего, просто спросил. Имя у нее с буквы «М» начинается.

– Я никак не пойму... Вам это зачем?

Анис положил трубку и отключил телефон, ведь Шафик точно будет перезванивать.

Всю ночь Анис не сомкнул глаз. Заснул только на рассвете.

II

Фарго – очень маленький городок.

Американцы их называют не «сити», а «таун».

В этом городке, правда, есть все то же, что и в больших городах. Вот только небоскребов нет. Зато есть два ночных клуба, где танцуют обнаженные девушки, и большое казино: там шесть дней в неделю двадцать четыре часа в сутки играют в блэк джек. Есть несколько

современных торговых центров – моллов, но все же Фарго не «сити», Фарго – «таун». Приезжают сюда бенгалцы из Нью-Йорка или Чикаго и удивляются: «О, да это же наш городишко Кумилла. Ни толпы, ни суматохи. Ах, замечательно-то как!»

Но никто не остается надолго. Зимы здесь лютые, из Канады приходят холода. Столбик термометра постепенно опускается все ниже и в феврале застывает на минус тридцати. Невыносимый, немыслимый холод. После подобной зимы исчезает все очарование Фарго – разве можно провести полгода в четырех стенах? Бенгалцы кривятся: «И здесь могут жить люди? Да здесь выживут только полярные медведи и тюлени».

Но все же многие приезжают. Некоторые покупают дома и остаются. Вот и Амин остался. Живет в городе, купил дом на берегу озера Пеликан в Миннесоте. И сейчас даже не скучает по той стране, из которой приехал двадцать лет назад.

Однако каково было в начале! Вечером, усталый, он возвращался из университета. А дома Рахела, одна. Ей даже заняться нечем, разве только сидеть все время перед телевизором. Кому понравится в одиночестве ходить по магазинам? Амин ее утешал: «Ну, еще только один годик. Диссертацию писать не буду. Только магистратуру закончу. Потерпи еще чуть-чуть».

Очень медленно, но все менялось. Однажды Амин с удивлением заметил, что Рахела свободно говорит по-английски:

– Ба, да у тебя замечательный английский! Как это ты его так выучила? Прямо настоящий американский акцент. Откуда?

– Вот телевизор все смотрела и выучила. А что мне еще делать?

Через два года у Рахелы появилась работа. Причем серьезная: сортировка семян подсолнуха в исследовательской лаборатории. В том же году Амин купил машину. Додж-полар семьдесят первого года выпуска, громадная новая машина. Поехал как-то Амин с женой на собственном додже на озеро Дедилс. И Рахеле уже казалось, что она не такая несчастная, как раньше.

Прошли годы. Как бы сильно ни хотелось, на родину поехать они так и не собрались. Все никак не получалось: то одна проблема, то другая. В год, когда Амин защищал диссертацию, не поехали. Новая работа – опять никуда не поедешь. Пока не получают вид на жительство, вообще лучше не выезжать. Купили новый дом. Теперь нужно его обставить, поездка снова откладывается. Первый ребенок должен родиться, тоже лучше остаться в Америке.

Впервые они поехали в Бангладеш, когда Рунки было уже четыре года. Казалось, целый век прошел. Как же они волновались! Но когда приехали, им все не нравилось. Грязные дома. Грязные заборы. Ночью вокруг тьма непроглядная. И люди будто изменились, стали какими-то неестественными. Даже тетя, которая всегда раньше говорила «ты», теперь начала обращаться на вы.

Через месяц заболела Рунки: желудок не переваривал местную пищу. Только вернувшись в Америку, Рахела вздохнула спокойно.

Прошли годы. Двадцать лет – большой срок. Умерли родители Рахелы. Давно уже не было в живых и родителей Амина. Ничто их больше не связывало с родиной. Младшая сестра Рахелы вышла замуж. Где она сейчас, кто знает? Но и искать как-то не хотелось. Все словно бы потерялось. Теперь при виде своего отражения в зеркале Рахела испытывает острую боль: кожа стала дряблой, у висков как змеи извиваются седые пряди. Ее охватило новое чувство – апатия. Все утро сидит одна в кресле на веранде. Амин ее старается не беспокоить. Они словно бы отдалились друг от друга. Иногда ураганом пролетит Рунки:

– Снова в кресле сидишь? Кончишь тем, что пустишь корни и станешь деревцем, ма.

– Подойди, сядь.

– Мне что, больше делать нечего?

Рунки, хоть и не в нее пошла, но красавицей выросла. Кожа оливкового цвета. И какие спокойные черные глаза! Глядишь в них, и будто с ума сходишь. Когда Рунки перед зеркалом расчесывает волосы, Рахела стоит и как зачарованная смотрит. Рунки злятся:

– Ма, ты почему так смотришь?

– Как так?

– Как мужчина.

Рахела не могла понять собственную дочь. Однажды она осторожно спросила:

– Рунки, ты какого мужа хочешь?

– Да я и не думаю о свадьбе. Год за годом жить с одним парнем – это ужасно.

– Это что за новости!

– Правду говорю. Неужели ты думаешь, что замуж выходят за тех, с кем встречаются? Еще чего! И парни жениться не собираются, им бы только девушку в постель затащить.

Лицо Рахелы помрачнело:

– Но ты, конечно, не соглашалась?

– Ма, соглашалась – не соглашалась, не хочу я обсуждать это с тобой. Мне девятнадцать. Ты за меня ответственность уже не несешь.

Рахеле хотелось, чтобы Рунки вышла замуж за хорошего, умного бенгальца и насладилась тем счастьем и радостью, которые сама Рахела рисовала себе всю жизнь. Вот только где в этой чужой стране найти такого? Рахела уже всех, даже дальних знакомых спрашивала. И нельзя сказать, что подходящих молодых людей не находилось. Но сначала они хотят знать, есть ли у девушки вид на жительство. Поможет ли им эта женитьбы остаться здесь? Не хотят видеть фотографию девушки, не хотят видеть саму девушку, хотят видеть лишь ее грин-карту.

Амин сидел в своем кабинете и что-то писал. Его кабинет – маленькая комната на первом этаже в дальнем, западном, крыле. В комнате из мебели был только небольшой письменный стол, а еще кресло да книжная полка. На полке не было ничего, кроме нескольких справочников, пары старых номеров «Нешнл Джеографи» и одного романа Бибхутибхушона Бондхопадхая. Амин иногда закрывается в этой комнате и все что-то пишет. Но хотя Рахелу и мучает любопытство, она никогда ничего не спрашивает – Амин этого не любит.

Рахела два раза постучала в дверь и тихим голосом спросила:

– Можно?

Еще до того, как услышала ответ, она отодвинула занавеску и вошла. Амин постарался спрятать то, что писал. Рахела сделала вид, что ничего не заметила.

– Амин, я позвала гостей сегодня на ужин.

Амин ничего не ответил. Рахела продолжала:

– Пойди купи судака.

– А что, здесь бывает судак?

– Иногда бывает.

– Тогда пойду куплю.

Рахеле показалось, что Амину не по себе, словно она ему мешает. Но почему? Рахела вдруг спросила:

– Что пишешь?

– Так, ничего.

Рахела посмотрела на мужа, вздохнула и ушла на второй этаж к Рунки. Из-за запертой двери слышалась музыка.

– Рунки, открой-ка дверь. Это мама.

Рунки открыла. Глаза у нее были заплаканные.

– Рунки, что случилось?

– Ничего, ма. Просто слушала песни Нила Даймонда. От его песен появляется такое чувство одиночества...

Рунки мечтательно улыбкунула. Рахела, немного помолчав, сказала:

– Сегодня на ужин я позвала нескольких молодых людей. Ты вечером никуда не уходи.

– Хорошо, ма.

– И надень свое синее сари.

– Ладно. Ты кого-то особенного пригласила?

Рахела ответила не сразу:

– Должен прийти один человек по имени Анис, преподаватель университета из Северной Дакоты. Очень хороший молодой человек.

– Откуда ты знаешь, что он очень хороший?

– Шафик сказал.

– И конечно, не женат, – улыбкунула Рунки. – И конечно, ты хочешь, чтобы я вела себя с ним очень мягко и вежливо.

– А что, этого хотеть нельзя?

– Ну почему же, можно. Вот только я недолюбливаю преподавателей.

Рахела посмотрела на дочь тяжелым взглядом. И Рунки уступила:

– Не беспокойся. Никаких глупостей я вытворять не буду. Буду и вежливой, и мягкой, и улыбаться буду. Сладко-сладко.

III

Анис проснулся около одиннадцати.

Несколько мгновений он не мог поверить своим глазам: «Неужели уже одиннадцать?» Сегодня понедельник, и в полдесятого должно было быть занятие по химии полимеров в триста шестой группе. Сейчас, конечно, уже ничего не поделаешь. Надо будет позвонить мисс Кэтрин. Пропустить занятие – это пустяк, можно иногда. Но проспать – вот это уже стыдно.

Не успел Анис включить телефон, как тут же раздался звонок.

– Алло! Анис, вы? Это я, Шафик.

– Я так и понял.

– Я вам шесть раз с вечера звонил. Вы что, телефон выключили?

– Да.

– А я-то думал, в чем дело? Кстати, вспомнил имя этой вашей поэтессы. Мери Стюарт.

– Нет, не Мери Стюарт. Ее зовут Эмили Джохан. Вечером не мог вспомнить, а сейчас вот само вспомнилось.

– Анис, вы не больны?

– Нет, со мной все в порядке.

– Вы помните, что мы едем к господину Амину?

– Только не сегодня, завтра.

– Да, завтра. Послушайте-ка, я сейчас приеду.

– Сейчас?

– Минут через десять. Есть важное дело.

Анис положил трубку и поставил чайник на огонь. Пока закипала вода, он пошел умыться, и вдруг вспомнил, что в доме была еще одна живая душа. Странно, как же он мог это забыть?

Но Мелиссы в доме не оказалось. Кровать аккуратно застелена, и на ней клочок бумаги – короткая записка карандашом: «Та спал, и я не стала тебя будить. Большое спасибо».

Непонятно почему, но Анис немного расстроился, хотя грустить было не о чем. Сегодня ужасно неудачный день. Редко бывают такие дни. Все идет кувырком.

Шафик должен был приехать через десять минут, но не появился и через два часа. До мисс Кэтрин дозвониться не удалось. Появляться сейчас в университете не было смысла.

Анису стало казаться, что у него температура. Какой пугающе плохой день. На канале новостей не было ни одного хорошего сообщения.

В Кентукки сгорели два ребенка.

Провалились переговоры по поводу подписания договора ОСНВ-2.

В Бельгии, в городе Льеж, поезд упал в реку, погибло сто пятьдесят человек.

В саду поставили стулья.

Рунки казалось, что ее мать излишне суетится. Два раза меняли скатерть. Принесли вазу с цветами. На улицу вытащили стерео.

– Ма, ты слишком суетишься, – сказала Рунки.

– Мы вынесли стулья в сад – это что-то особенное? – сухо и недовольно спросила Рахела.

– Нет, но цветы – это уже слишком. Ты на них шесть долларов потратила.

– Если тебе не нравятся цветы, можешь их убрать.

Рунки смутилась. Ясно, что мама была раздражена. Она не могла понять свою мать, когда та злилась без причины.

– Мам, если хочешь, я надену синее сари, – улыбнулась Рунки.

– Что значит «хочу», Рунки? Я никогда ничего ни от кого не хочу.

Нахмурившись, Рунки пошла к себе в комнату. Такой замечательный день, и вдруг все идет шиворот-навыворот. Рунки заперла дверь своей комнаты. Тут можно было поплакать в одиночестве, послушать музыку на полную громкость. Это был ее тайный мир.

Кто-то постучал в дверь. Конечно, папа. Кроме папы, никто так вежливо не может стучаться.

– Что, папа? – нежно спросила Рунки.

– Открой дверь, дочка. У меня для тебя сюрприз.

– Что за сюрприз?

– Открой и увидишь.

Рунки вышла с заплаканными глазами.

– Тебе пришла посылка. Из Италии. Кто у тебя в Италии?

– Том. Он поехал туда на лето.

Открыв посылку, Рунки остолбенела. Там была удивительная гипсовая фигурка женщины. Наверное, копия какой-нибудь скульптуры Микеланджело.

– Ну как? Красивая? – спросила Рунки.

– Да, красивая. Очень красивая.

– Пойду покажу маме.

Рунки выбежала.

Рахела была на кухне. Еда давно приготовлена, ее оставили в духовке, чтобы не остыла. Готовились к ужину очень долго, но Рахеле все казалось, будто что-то упущено. Не было свежего перца, здесь его не достать. Она и Амин не едят острого, но бенгальцам-эмигрантам нравится видеть на столе перец.

– Ма, посмотри, что Том прислал!

– Что за Том? Сумасшедший Том?

Рунки сильно разозлилась. Скольких она знала Томов, чтобы надо было уточнять: сумасшедший Том?

– Я поставлю скульптуру в сад? – спросила Рунки. – Твои гости увидят и удивятся.

– Нет, Рунки. Поставь ее у себя. Она неприличная, – помолчав, ответила Рахела.

Рунки молча продолжала посмотрела на мать, а потом стремглав взбежала на второй этаж.

Первым из гостей пришел Нишанатх Рай, профессор математики из университета Гранд-Фокс. Ему было пятьдесят пять, но выглядел он на все семьдесят. Когда его куда-то пригла-

шали, он приходил раньше всех и сидел в безлюдном углу с закрытыми глазами или спал. Даже странно, как он вел занятия в университете. Его не выгоняли только потому, что он до сих пор считался лучшим специалистом по топологии (несмотря на то, что бросил ее десять лет назад). Многие полагали, что люди знают про университет Гранд-Фокс только благодаря тому, что там преподает Нишанатх.

По своему обыкновению Нишанатх пришел уже к пяти и смущенным голосом спросил:

– Я не опоздал?

– Нет, не опоздали, – улыбнулся Амин. – Вам принести чай или чего-нибудь покрепче?

Нишанатх что-то пробормотал – понять было нельзя. Он долго выбирал, где бы устроиться, а потом сел в самое дальнее кресло и подобрал под себя ноги. Когда Амин принес большой бокал мартини, он увидел, что Нишанатх сидит с закрытыми глазами.

– Нишанатх, возьмите. Я принес вам мартини.

– Кажется, я сказал, что хочу чаю.

– Я могу принести чаю. Есть горячая вода.

Нишанатх ничего не ответил.

Было около восьми, но двое других приглашенных так и не появились. Несколько раз звонили Шафику, но никто не брал трубку.

– С ними что-то случилось, и не хмурься так, – сказала Рунки матери.

– Не говори глупостей. Я не хмрюсь.

– Извини, ма.

– Ну ладно, садись за стол.

Нишанатх ел молча.

– Как вам еда, Нишанатх? – спросил Амин.

Нишанатх не ответил. Он никогда не отвечал на незначительные вопросы.

– У дяди Нишанатха нет вкусовых рецепторов. То, что он ест, для него как трава. Не так ли, дядя? – спросила Рунки.

Нишанатх уже готов был что-то сказать, как зазвонил телефон. Рахела сняла трубку.

– Аллю! Это Шафик.

– Мы все за столом. Не мог бы ты позвонить попозже? – сухо спросила Рахела.

С хмурым видом она вернулась к столу.

– Не надо было так... – не глядя на мать, сказала Рунки.

Рахела не ответила.

– Вы так хорошо все приготовили, – сказал Нишанатх. – кажется, что мы и не за границей.

– Мам, что если с ними что-то случилось? Не надо было вешать трубку.

– Я не хочу, чтобы ты меня учила, что мне надо делать, а что не надо. Возьмешь еще жареной рыбы?

– Нет.

– Нишанатх, а вы?

– Нет. А это жареная рыба? – удивился Нишанатх. – А я думал...

– Ты напрасно злишься, ма. С ними точно случилось что-то плохое.

– С кем? – спросил Нишанатх.

– С теми, что должны были прийти.

– А что случилось?

– Мало ли что. Заходит, например, человек в ванную и видит там труп, а у него в спине – кинжал...

Амин засмеялся.

– Что смешного, папа? И такое может случиться.

– В этой стране все может случиться. Разбой и насилие здесь обычное дело. Некультурная, варварская страна, – подтвердил Нишанатх.

Что случилось, стало известно через некоторое время. Шафик со своим спутником просто застряли на дороге. У старинного форда сломалась коробка передач, и им пришлось остановиться в закусочной.

– Застрясть посредине дороги – это так смешно! – засмеялась Рунки.

Рахела скривила бровь.

– И что такого смешного? Научись думать как нормальные люди. Когда ломается машина – это большая неприятность. Ничего смешного.

– Почему ты говоришь так раздраженно, ма?

– Рунки, замолчи и поезжай найди их. Я не могу послать твоего отца, он выпил мартини немного больше, чем следовало.

Это была неправда. Амин выпил не больше двух бокалов мартини, но спорить не стал. Рахела разволновалась, поэтому лучше было промолчать. Нишанатх-бабу снова забрался в кресло и медитировал. Когда к нему подсел Амин, он сказал:

– Понимаете, ужасно некультурная, варварская нация.

Рахела и Рунки отправились в гараж.

– С новым молодым человеком будь вежливой.

– А я что, невежливая? – удивилась Рунки. – Что ты такое говоришь?

Рахела отдала Рунки ключ и проговорила:

– Слушай, что я тебе говорю. Я хочу, чтобы ты пообщалась с бенгальцами.

Рунки молчала. Рахела тем временем продолжала:

– Я хочу, чтобы ты удачно вышла замуж, чтобы ты была счастлива.

– Если я выйду замуж за бенгальца, я стану счастливой? Ты вот вышла замуж за бенгальца, и что, ты счастлива?

Рахела ничего не ответила.

– Не хочу обо всем этом сейчас думать, – сказала Рунки. – И не хочу, чтобы ты думала. Ты слишком беспокоишься обо мне в последнее время.

– А ты считаешь, что не о чем беспокоиться.

Рунки завела мотор.

– Подтяни немного сари, чтобы не зацепилось за педаль, – сказала Рахела.

Выехав на шоссе, Рунки разогналась до семидесяти миль. Так как шоссе от Гранд-Фокса до Фарго было пустым, полицейских почти не было. Можно разогнаться до какой угодно скорости. Подружка Рунки, Шэрон, однажды до девяносто пяти миль разогналась. Как же трясло тогда машину! Рунки не настолько храбрая. Даже при семидесяти у нее немножко тряслись руки. Кроме того, осенью листья с деревьев осыпаются. Когда машина едет по сухой листве, появляется непонятный звук, который ее пугает.

– Я приехала за вами.

Анис очень удивился, увидев девушку. Легкая, тоненькая – телосложение, как у ребенка. Смотрит такими детскими глазами. И такие обиженные, тоненькие губки.

– Вы, как я понимаю, и есть тот преподаватель? Анис?

Прежде чем Анис успел что-либо ответить, девушка продолжала:

– Мне преподаватели не нравятся ни капельки. Вы на это не обидитесь?

– Нет, не обижусь, – засмеялся Анис.

– Учителя за пределами своего предмета ничего не знают и знать не хотят.

– Серьезно?

– Да. Ставлю десять долларов, что вы не знаете, как звали возлюбленную поэта Китса.

Анис застыл в изумлении. Девушка смеется, конечно, но видно, что готова заспорить. Шафик все еще занят со своей машиной. Он считает, что проблема не в коробке передач, а в карбюраторе. И если немножко подождать, он все исправит.

Анис закурил:

– Я не думаю, что так уж необходимо знать, как звали возлюбленную Китса.

– Ну а сколько жен было у Эйнштейна – это, наверное, важно знать?

– Нет, это тоже не нужно. Это все чепуха.

Машина взревела и снова заглохла. Шафик улыбнулся:

– Видите, братец Анис, я почти все исправил. Еще каких-нибудь десять минут.

Анис ничего не ответил. Рунки, сильно затягивая шарф, нежным голосом проговорила:

– Я не хочу с вами спорить, чтобы не разозлить вас. Тогда мама расстроится. А я не хочу ее расстраивать. Несколько дней назад у нее был нервный срыв. Если еще один случится – не просто нам придется.

Шафик завел машину. Она издала какой-то странный звук.

Шафик встал руки в боки и произнес в адрес машины целую речь:

– Бестолковая, ты совершенно не знаешь людей. Не понимаешь, что к чему. Дура, сейчас как тресну тебя по зубам...

Рунки захихикала.

IV

В половине одиннадцатого у Аниса была лекция. Войдя в аудиторию, он увидел заведующего кафедрой доктора Хильдарбента, сидящего на заднем ряду. Он был не один, рядом сидел преподаватель органической химии доктор Байер с чашкой кофе в руках.

– Мы посидим на вашей лекции? – спросил Хильдарбент.

– Конечно.

– Только к доске не вызывай. Ха-ха-ха.

Анис забеспокоился. Он не понимал, зачем вдруг понадобилось приходить на его лекцию. Эти двое его не любили, по крайней мере хоть это ясно. Но из-за чего его не любили, он не знал. Не было, вроде, никакой причины.

Анис начал лекцию. Казалось, что доктор Байер абсолютно не слушает, а что-то шепчет Хильдарбенту. Один раз они вместе громко рассмеялись.

– Извини, Анис, – сказал Хильдарбент, глядя на Аниса. – Продолжай.

Продолжать Анис не мог. Вдруг доктор Байер произнес:

– Я не могу разобрать твой английский, Анис. Ты не мог бы говорить чуть помедленнее?

– Ты же сам разговариваешь, Байер. Даже если я стану говорить медленнее, что толку-то?

Несколько человек рассмеялись.

– Продолжай, продолжай, – сказал Хильдарбент.

Анис закончил на десять минут раньше. Только Хильдарбент собирался встать, как Анис сказал:

– Мне нужно с тобой поговорить, Хильдарбент.

– Говори.

– С чего вдруг ты пришел ко мне на лекцию? Что-то я не слышал, чтобы ты интересовался реологией полимеров.

Хильдарбент, немного помолчав, ответил:

– Мы хотели проверить одну вещь. На тебя пришла жалоба декану. Говорят, что никто не может понять твое произношение. Интересно, студенты донесли?

– Не знаю. Спроси у декана. Я лично не собираюсь ломать над этим голову и думаю, что и тебе незачем.

– Спасибо.

Анис пошел пить кофе в Мемориал-холл. За одним из столиков сидел доктор Андерсен и читал газету. Увидев Аниса, он с серьезным видом произнес:

– Посмотрел ваш бангладешский стенд.

– Что посмотрел?

– В библиотеке открылась международная выставка. Там и ваш стенд есть.

Анису показалось, что доктор Андерсен с трудом сдерживает смех.

– Кофе допьешь – сходи посмотри. Я не вру насчет стенда.

За огромным столом сидел Шафик. Он был одет в короткую безрукавку и зеленое лунги – одежду простого человека в Бангладеш. На столе лежала одна затертая банкнота в пять така и две монетки по десять пайс. С другой стороны лежал большой лист бумаги, на котором были написаны маркером бенгальские буквы «О» и «А». Анис остолбенел.

– Что случилось, Шафик?

– Здорово, брат Анис, сегодня ходил выяснять насчет работы в отдел фармакологии. Узнал, что в университете проходит международная неделя, если Бангладеш не будет представлена, это позор для страны. Я принес все, что у меня было.

– Что ты говоришь?

– То, что вещей мало, это даже хорошо. Зато все хотят узнать, где находится страна, что она собой представляет. Ха-ха-ха. Хотя название узнали – и то хорошо. Что скажешь?

– Я так понимаю, тебе придется семь дней просидеть за пустым столом?

– Никак нет. Вот увидишь, сегодня принесу от Рунки гору вещей. Я им тут устрою ажиотаж. А то тут один малазиец подходил, зубы скалил. Посмотрим, как этот гад завтра запоет. Рунки приведу. Это вопрос престижа страны.

Анис засмеялся:

– А как же с твоей работой? Эти семь дней ты туда не пойдешь?

– Да брось ты с этой работой, Анис. Не буди лихого, пока оно тихо. Некоторые подходили и останавливались перед столом. Кое-кто даже удивленно спрашивал:

– А это что за страна?

– Бангладеш.

– Это где? Остров такой, что ли, в Тихом океане?

– Нет, на азиатском континенте располагается.

– А большая страна-то? Какая у нее площадь?

– Завтра смогу сказать. Вся информация будет вывешена.

Анис издали видел, что к столу Шафика только изредка подходили люди, в основном пожилые. Они подолгу стояли и слушали речь Шафика.

– Страна необычайно красивая. Зеленая, ярко-зеленая. Моря и реки. По лесам бродит... ну как там его... королевский бенгальский тигр. Если завтра придете, то увидите изображение этого королевского бенгальского тигра. Пожалуйста, приходите. Не забудьте.

V

У Шафика все шло не как у людей.

Приехав в Фарго с пятью долларами в кармане, он за один месяц умудрился купить машину за двести сорок. Господин Амин эту покупку не одобрил:

– Тебе машина зачем?

– Чтобы престиж страны поддержать, – почесав голову, ответил Шафик.

– Престиж страны? Что значит: престиж страны?

– Они вот говорят: бедная страна, бедная страна, вот я и хотел показать этим сукиным детям.

– Что же ты им хотел показать двухсотсорокадолларовой машиной? Ты водить-то умеешь?

– Научусь.

Но это было еще не все, каким-то образом ему, студенту-гуманитарию, удалось включить в свой учебный план несколько естественных наук. Какой смысл, приехав в Америку, учить историю и географию? Уж если учить, то физику, химию и информатику.

После подведения итогов в середине семестра, его вызвала к себе декан по работе с иностранными студентами Тойла Клин. Результаты были не обнадеживающие: всего лишь удовлетворительно.

– Шафик, ты откуда приехал?

– Из Индии, мадам. Калькутта-Сити, – серьезно ответил Шафик.

Тойла, отложив бумаги, еще более серьезно, чем Шафик, сказала:

– А у меня записано, что из Бангладеш.

Шафик почесал голову и ничего не ответил.

– Будь добор, объясни, в чем дело?

– Я сказал, что из Индии, потому что мои оценки дискредитировали бы мою родину.

Серьезность Тойлы Клин, казалось, испарилась. В уголках губ появилась улыбка.

– А что, все студенты из Бангладеш получают только отличные оценки?

– Мадам, студенты из моей страны все прирожденные борцы. Любого американского отличника на куски порвут и даже глазом не моргнут.

– Я не очень понимаю, о чем ты.

– Смысл в том, что они очень крутые. Просто высший класс.

Тойла Клин принялась объяснять, что средний бал у него должен быть не меньше четверки с минусом. Иначе ему не продлят визу. Придется вернуться домой.

– Я пашу по семь часов в день, и на учебу просто не остается времени, мадам.

– А где ты работаешь?

– В пивной, продаю пиво.

Через четыре дня Шафику пришло письмо от Тойлы Клин. Ему предлагали за три с половиной доллара в час работу в библиотеке. Теперь у него появилась хорошая возможность учиться.

Толку никакого это не принесло. Экзамены он сдал плохо.

– Что теперь будешь делать? – нахмурившись, спросила Тойла Клин.

– Я не вижу выхода из сложившегося положения, остается только одно – принять яд.

– Ладно, попробую договориться, чтобы тебе дали еще один шанс в следующем семестре.

Может быть, выберешь предметы полегче?

Шафику действительно дали закончить еще один семестр. Тойле Клин пришлось изрядно потрудиться, чтобы получить разрешение. Но во втором семестре оценки у него ничуть не улучшились.

– К сожалению, Шафик, ты не сможешь продолжить свое обучение в этом университете. Что ты теперь собираешься делать? Вернешься на родину?

– Нет.

– Станешь нелегалом?

– Да.

– Удачи, – спокойно сказала Тойла Клин. – Америка – страна возможностей. И тебе может повезти.

Шафик снял комнату рядом с забегаловкой «Грэйв Инн» и продолжал работать у Никс, у Жозефины Никс, так звали женщину, хозяйку этого заведения.

Ростом она была метра полтора. Зато весила сильно за сто килограммов, и казалось, что с каждой неделей она становилась все толще. Жозефина была чернее смолы. Хотя ее предки уже шесть поколений назад переселились из Африки в Америку, цвет кожи никуда не делся. Принимая Шафика на работу, она пробасила:

– Я даю тебе работу только благодаря черному цвету твоей кожи. Все белые люди сделаны из дерьма. Знаешь, что течет у них в крови?

– Нет.

– Яд. Настоящий яд, цикута. Всю несправедливость в мире порождают белые.

– Правда?

– Совершенно точно. Каждый раз, как сюда заходит белый, меня так и тянет врезать палкой по его белой заднице и вышвырнуть к чертовой матери. Но я этого не делаю. И вот почему: по федеральному закону между белыми и черными никакой дискриминации нет. Какой отвратительный, поганый закон. Да разве когда-нибудь белые смогут сравняться с черными?

У Жозефины, правда, работал один белый парень, и ее это, надо сказать, совершенно не волновало.

Не было ни дня, когда Жозефина не смешала бы белого человека с грязью.

Почему Гарри – муж Жозефины – отбывает срок в тюрьме? Только по одной причине: судья был белый, и присяжные белые, и полицейские, которые его схватили, тоже были белые. В такой ситуации что еще могло с ним случиться, кроме двадцати лет тюрьмы? Он не сел на электрический стул только благодаря доброте Девы Марии.

Впрочем, отсутствие Гарри ее не слишком печалило. Раз в два за день она восхваляла Иисуса за то, что Гарри сидел в тюрьме. Когда он был на свободе, выпивал половину всего пива в забегаловке. А сейчас хорошо: сидит в тюрьме, сосет палец.

Хозяйка постоянно ругалась с посетителями. Кто-нибудь говорил:

– Жозефина, кажется, ты слишком сильно разбавляешь «Кровавую Мэри» водой.

– Если для тебя сильно – не пей. Я ж тебя на коленях не умоляю.

– Я заплатил и хочу пить нормальный коктейль. Думаешь, я стану пить «Кровавую Мэри», разбавленную водой?

– Еще как станешь. И ты, и потомки твои до четырнадцатого колена.

С Шафиком она постоянно скандалила из-за денег. Больше двух долларов в час не давала. Никакую сверхурочную работу сверхурочной не считала. Он мог работать по десять часов, но платила она ему, как за семь.

При каждом удобном случае тихонько ему говорила:

– Даже не пытайся приставать к моей Элен. Она у меня не такая, как все. Дай мне только повод. Если я увижу что-нибудь такое – убью. Ха-ха.

Элен тоже была подарочек, матери под стать. Достаточно было взглянуть на нее, и желание приставать пропадало. Но Жозефина этого не понимала.

Элен и вправду была не такая, как все. Постоянно кривлялась перед Шафиком. Однажды пригласила его в кино, но только начался фильм, как стало понятно – почему. Жесткое порно.

– Здесь ты научишься всем тонкостям, – пробасила Элен.

И вправду, материал был обширный.

VI

В дверь постучали.

Значит, кто-то незнакомый – знакомый бы позвонил. С первого раза звонок найти просто невозможно.

«Наверное, девушка, – подумал Анис. – Только девушка может постучать дважды, выждать, а потом стукнуть еще раз. Ни у одного мужчины не хватит терпения».

Анис открыл дверь, там действительно стояла девушка. Мелисса. Выглядела она очень нарядно, на плече у нее красная вельветовая сумка, а золотистые волосы волнами падают ей на плечи. Ночью ему показалось, что она совсем еще ребенок. При дневном свете он понял, что ошибся.

- Ты что, меня не узнаешь?
- Узнаю. Ты Мелисса, Мелисса Гилберт.
- Я могу пройти?
- Да, проходи.
- Ты свободен сегодня вечером? – спросила Мелисса, зайдя внутрь.
- А что ты предлагаешь?
- Хочу пригласить тебя поужинать. У меня сегодня день рождения.
- С днем рождения, Мелисса.
- Спасибо. Ну так как, ты пойдешь?

Анис сомневался.

– Если не хочешь, не ходи.

– А куда ты хочешь пойти?

– У меня в кармане сорок долларов. В любой ресторан в пределах этой суммы. Тебе нравится мексиканская еда? Это будет дешево.

– Конечно, очень нравится.

– Я хотела пригласить тебя в какой-нибудь очень хороший ресторан, но что я могу поделаться? Меня никто не содержит. Школу я не окончила. То официанткой работаю, то детей нянчу. Чтобы скопить эти сорок долларов, мне пришлось два месяца работать по восемь часов в день.

– Если ты не против, я заплачу за ужин, – сказал Анис.

Мелисса рассмеялась.

– У меня, конечно, сейчас дела неважно идут, но в ближайшее время я стану мультимиллионершей. На самом деле, я не люблю тратить деньги.

– Ты и вправду станешь миллионершей?

– Хочешь поспорить? Да моя мать спит на мешке с деньгами. Меня она из дома выгнала, чтобы я ее не отравила. Я тоже боготворю старушку. Каждую неделю пишу ей письма: «Как здоровье, матушка? Правильно ли лекарства пьешь? Берегись сквозняков в жаркую погоду». Ха-ха-ха.

Анис тоже засмеялся.

– К старости люди становятся такими. Деньги для них – самое главное, они жизнь за них отдать готовы. И вообще, я считаю, что всех, кто старше пятидесяти, надо гнать в шею на какой-нибудь необитаемый остров. Нет, я серьезно. Знаешь, сколько у моей матери денег?

– Нет.

– Второй муж у нее был какой-то польский бизнесмен, владел компанией по морским перевозкам. Когда он умер, все досталось моей матери, в том числе два дома, да что там, два дворца: один во Флориде, другой – на Багамских островах. Мама все продала, спрятала деньги в банк, а сама поселилась в доме для престарелых: комната за копейки, дешевая еда. Нет, ты можешь в это поверить?

– С трудом.

– Я ее дочь, а посмотри: цепляюсь за сорок долларов.

Анис заметил, что на глазах у Мелисы блестят слезы. Это неправильно – американки не плачут. Их так просто не сломаешь.

– Мы ведь пойдем ужинать не раньше шести, может, кофе выпьешь? – спросил Анис.

– Давай.

– Тебе с сахаром и молоком?

– Две ложки сахара, молока не надо.

– Вот станешь ты миллионершей, на что ты потратишь эти деньги? – спросил Анис, заваривая кофе.

– В первую очередь – на пластическую операцию: у меня очень маленькая грудь. Сделаю себе силиконовую грудь. По мне, конечно, не скажешь, что она такая уж маленькая: я ношу специальный лифчик, на поролоне.

– А, понятно.

– В таком лифчике даже маленькая грудь может быть очень привлекательной. Но стоит его расстегнуть – и ты сильно разочаруешься. Хочешь посмотреть?

– Нет, я тебе на слово верю.

– Кроме того, у меня и нос неправильный: отвислый какой-то. Разве нет?

– Мне кажется, что нет.

– У тебя просто нет чувства прекрасного, поэтому ты не понимаешь: стоит его немножко приподнять – все было бы по-другому.

– Как по-другому?

– Я бы тебе сказала: «Расстегнуть лифчик? Увидишь, какая у меня маленькая грудь. Хочешь посмотреть?» Ты бы мне тогда ответил: «Конечно, почему бы и нет? Куда смотреть? Показывай!»

Помолчав какое-то время, Анис сказал:

– Мелисса, ты просто кладезь премудрости.

– Моя мать так же считает. Как-то раз она мне говорит: «Не стоит состоятельной женщине в старости держать при себе дочь, особенно такую умную, как ты».

– Как тебе кофе?

– Хорошо.

– Еще чашку?

– Давай. Слушай, я все еще не знаю, как тебя зовут.

– Анис.

– Ты из Индии?

– Нет, из Бангладеш.

– А это где?

– Маленькая страна рядом с Индией.

– А там, как в Индии, – сотни тысяч людей от голода попрошайничают?

– Кто тебе такое сказал?

– Нет, ты сначала ответь, правда или нет. Дети сидят рядом с мусорными баками, ждут, пока кто-нибудь бросит им поесть. Разве не так? Или тебе просто стыдно это признать?

– Неправда. Продовольствия, конечно же, не хватает. Но ведь так везде бывало. В Европе разве не было? И в Америке была депрессия.

– Анис, ты что, сердисься? Я не хотела тебя разозлить.

– Там все не так, как вы думаете.

Мелисса усмехнулась. Но в следующее мгновение с невинным видом спросила:

– А электричество у вас есть?

– Зачем ты все это спрашиваешь?

– Просто интересно. Если не хочешь, можешь не говорить.

Анис сделал серьезное лицо.

– Электричества нет, – ответил он. – Машин тоже нет. Слоны – вот наш общественный транспорт. Влезь на спину – и езжай.

– Ты меня разыгрываешь.

– Ну да.

– Я не люблю, когда надо мной издеваются. Не надо со мной так шутить, и, пожалуйста, извини меня.

– За что?

– Я сделала тебе больно. Не стоило мне так говорить о твоей родине. Когда у меня будут деньги, я обязательно туда съезжу.

– Здорово.

– У тебя там есть жена?

– Нет.

– А девушка?

– Нет, и девушки нет.

– Хорошо. В глубине души я на это и надеялась. Мне не нравятся женатые мужчины.

В дверь позвонили. Но это тоже был кто-то незнакомый: только дети так долго давят на кнопку звонка. Анис открыл дверь и замер от удивления. Там стоял Нишанатх-бабу.

– Какая красивая девушка! Глаза – как у богини! – войдя в комнату, восторженно воскликнул Нишанатх-бабу по-бенгальски.

– Вы что, обо мне говорите? – спросила Мелисса. – Вы просто посмотрели в мою сторону, вот я и подумала...

– Я спросил: «Что это за девушка с такими необыкновенными глазами? Прямо как у богини!» – ответил Нишанатх-бабу и рассмеялся.

– Меня зовут Мелисса, – ответила Мелисса и тоже рассмеялась. – У меня сегодня день рождения. Не будете ли вы так любезны по этому торжественному поводу отужинать с нами?

Нишанатх-бабу выглядел очень озадаченно. Видно было, что вопрос застал его врасплох:

– Буду, почему бы и нет.

– Спасибо вам огромное, только у меня всего сорок долларов, как вы думаете, в мексиканском ресторане этого на троих хватит?

– Хватит. Вот увидите. Сколько может стоить...

Нишанатху зачем-то срочно потребовалось увидеться с Анисом, он нашел адрес и сразу же приехал, но зачем – он и сам понять не мог. Он многого не понимал.

– Вы на выставке видели стенд Бангладеш? – спросил Анис.

– Видел, просто замечательно. Этот парень, Том, он художник, все сделал как надо. Он вырезал из картона, раскрасил и прикрепил к столу силуэт бенгальского королевского тигра. Сразу видно, у человека талант.

– Пожалуйста, скажите, как вас зовут, – ни с того ни с сего сказала Мелисса.

– Меня? Нишанатх.

– А что это имя обозначает?

– Это имя обозначает «Повелитель тьмы».

– Забавное имя.

– Этот Том, у него настоящий талант художника, – сказал Нишанатх, вынимая сигарету. – Такое там устроил. Он нарисовал на большом листе картона дождливое небо и укрепил его фоном для стола Шафика. Выглядит так похоже, что кажется, будто слышишь, как падают капли и кругом квакают лягушки.

– А лягушки здесь при чем? – спросила Мелисса.

– У нас, когда идет дождь, квакают лягушки, это самый лучший звук в мире. Но тебе этого не понять. Ты никогда его не слышала.

– Нет, я слышала лягушек. И что в этом такого уж замечательного? Что вы в этом находите?

– Мелисса, я не смогу тебе этого объяснить, – вздохнул Нишанатх-бабу.

– Странный вы человек, – проговорила Мелисса. – Очень странный.

Мелисса возвращалась домой очень поздно.

Когда она села в автобус, было уже больше часа ночи. В автобусе, кроме нее, больше никого не было. Только старушка под девяносто, да и та вышла на Двенадцатой улице.

– Вы мне не поможете? – спросила она Мелиссу, пытаясь спуститься по ступенькам.

Мелисса притворилась, будто ничего не слышала. Старушка не стала пытаться второй раз и сама выбралась из автобуса. «В ее-то возрасте ездить на автобусах, – подумала Мелисса. – У нее наверняка в кошельке есть куча баксов, а ей жалко пять на такси. Надо принять федеральный закон, чтобы отбирали деньги и имущество у тех, кому больше семидесяти лет, а самих высылали бы из страны».

Мелисса вышла в центре, надо было пересестись на другой автобус. На остановке она заметила, что у нее руки и ноги дрожат от холода. «Конечно, опять жар, – мелькнуло у нее в голове. – И почему это? – Мелисса опустила голову и двинулась вперед. – Надо добраться до дома, пока совсем плохо не стало.

Остановка была на Первой авеню. Мелиссе не захотелось ждать автобуса, она решила вызвать такси и зашла позвонить в какой-то ресторанчик. Музыка была включена очень громко. Играла песня Джона Траволты. Несколько человек, обнявшись, танцевали. Когда Мелисса посмотрела на них, у нее закружилась голова.

– Привет, Мелисса. Не хочешь разогреться? Идем потанцуем.

Мелисса посмотрела на подошедшего к ней парня, но узнать не смогла.

– Идем!

– Нет.

– Почему нет?

– Я себя не очень хорошо чувствую.

Мелисса пригляделась, но все равно не смогла его узнать. А странно, ведь он протянул руку, как старый знакомый, когда здоровался.

– Пойдешь со мной? – сказал он почти шепотом.

– Куда?

– Ко мне, на квартиру. Устроим маленькую вечеринку на двоих. Что скажешь?

– Нет.

– Почему нет? Не первый день знакомы. Ты же со мной раньше гуляла. Идем, будет весело.

VII

Рахела открыла дверь и увидела: у двери стоял Том, под шесть футов ростом, совсем заросший, босой и почти голый – на нем были лишь джинсовые шорты.

– Я могу увидеть Рун?

– Кого?

– Рун... Рунки.

Рахела сначала хотела сказать, что Рунки нет дома, что она куда-то ушла. Но не смогла.

– Наверно, вы меня не узнаете, – прогрохотал басом Том. – Меня зовут Томас Грэй. Я друг Рун.

– Зайди, я ее сейчас позову.

– Нет, если зайду, все ковры вам перепачкаю. Ноги у меня очень грязные.

Рахела осторожно заглянула к дочери. Рунки с распущенными волосами сидела молча. Тихонько играла полька. Кругом были разбросаны книги. Рахела, стоя за дверью, нежно позвала:

– Рунки?

– Заходи, ма.

– Рунки, хочу с тобой кое о чем поговорить.

– Ну хочешь, так говори, – улыбнулась Рунки. – Почему ты такая серьезная?

Рахела заговорила не сразу:

– Мы тебя очень любим и хотим тебе только счастья, у тебя есть какие-нибудь сомнения в этом?

– Да, есть.

Лицо Рахелы помрачнело.

– Я этого не знала.

– Шучу, ма, шучу. Шутки ты совсем не понимаешь! Сложно с тобой.

Рахела тяжело вздохнула:

– Я не хочу, чтоб ты общалась с Томом.

Помолчав, Рунки спросила:

– Том приехал, да?

Рахела не ответила. Рунки бросилась вниз. Рахела тоже хотела спуститься. Но не решилась. Что если бы она увидела, как эти двое стоят обнявшись? Даже после многих лет, прожитых в Америке, не могла она спокойно смотреть на такое. Медленно Рахела отправилась к себе. Чуть позже Рунки снова поднялась наверх. И сидя у себя, Рахела понимала, что Рунки прихорашивается, тихонько посвистывая. Как же это отвратительно, когда девушки свистят!

Этой ночью Рунки домой не вернулась.

VIII

Выйдя из аудитории, Анис натолкнулся на Андерсона. Этот Андерсон большой весельчак. Всякий раз, как помотришь на него, он что-нибудь смешное скажет или высунет язык и рожу скорчит. И кто бы мог подумать, что это специалист по гетероциклическим соединениям, профессор?

– Здравствуй, Андерсон.

Андерсон прищурил один глаз и подмигнул другим. Анис рассмеялся.

– Один разговор у меня к тебе, Анис. Пойдем выпьем по чашке кофе и поговорим.

В кафе яблоку негде упасть. Приближаются экзамены. Студенты, не выпуская конспекты из рук, толпятся здесь, никто из-за столиков не уходит. Простояли минут десять, пока наконец освободилось местечко.

– Ну, о чем ты хотел поговорить? – поинтересовался Анис.

– Ты в последнее время встречаешься с одной красивой молодой девушкой, не так ли?

Анис, помолчав, спросил:

– Ты это почему спрашиваешь?

– Есть на то причина. Видишь ли, Америка – свободная страна. Ты можешь встречаться с любой девушкой, никто слова не скажет. Но в данном случае есть одна проблема.

– Какая?

– Эта девушка – проститутка, – серьезно ответил Андерсон.

Анис не сказал ни слова, а Андерсон продолжал:

– Нет, ты, конечно, и с проституткой можешь встречаться, ничего такого не будет. Но порой возникают большие неприятности. Что если в один прекрасный день она придет к тебе и объявит, что носит под сердцем ребенка – твоего ребенка. А на аборт нужно выложить тысяч десять долларов.

– А ты откуда узнал, что она проститутка? – спросил серьезно Анис.

– Да знаю. Ее ведь Мелиссой зовут. Так?

Анис не ответил.

Жозефина уже в пятый раз увольняла Шафика.

– Я обойдусь и без такого ленивого, трусливого, болтливого негодяя, как ты! Приходи в пятницу за расчетом.

Старуха так разозлилась, потому что Шафик заехал в нос одному посетителю. Тот, когда узнал, что Шафик – из Бангладеш, схватился за живот и начал хихикать, как гиена, – это было большим просчетом бедняги.

– Ну засмеялся! Так что, теперь мордобой устраивать? – глаза Жозефины налились кровью. – Да парень просто радовался!

– Что значит «просто радовался»? Разве так радуются?!

Шафик, конечно, точно не знал, что это был за смех. Может, бедолага и впрямь чему-то радовался. Но настроение у Шафика было испорчено с самого утра, когда он узнал, что Рахман Ракибоуддин из Джеймстауна открывает ресторан. Сама по себе эта новость не должна была бы так расстроить Шафика. Но ресторан этот парень хотел назвать «Индия Хаус».

– Никто не знает, что такое Бангладеш, – объяснял Рахман по телефону. – А вот индийская кухня известна по всему миру, поэтому я и назвал ресторан «Индия Хаус». Ты, братец, расскажи всем бенгальцам в Фарго. Коли будет на то воля Аллаха, откроемся в следующем месяце!

– Так ресторан называется «Индия Хаус»? – басом переспросил Шафик.

– Еще пока не решил окончательно. Может, и «Индия Фудс».

– То есть слово «Индия» останется?

– Да, конечно. Как же иначе?

– Послушай-ка, братец, если увижу тебя в Фарго, придушу голыми руками, пусть даже потом меня посадят на электрический стул. Понял?

– Не понимаю.

– Молчать, подлец!

Шафик повесил трубку, пошел на работу и побил посетителя. А Жозефина в этот раз действительно разозлилась. Она и раньше трижды говорила:

– Шафик! Чтоб мои глаза тебя не видели! Достал!!

Шафик вернулся домой, а там его ждало письмо из иммиграционной службы. В письме говорилось, что в течение семи дней с момента получения данного извещения он должен встретиться с Т. Робертсоном из Службы иммиграции и натурализации.

Но это Шафика не волновало. В голове вертелась лишь одна мысль: как бы получше проучить этого подлеца Рахмана? А что если открыть бенгальский ресторан, а? Неужели это так сложно? И назвать его можно «Мегхна». Как это тогда будет звучать: «“Мегхна” – экзотическая бенгальская кухня для настоящих ценителей». Но какая такая экзотическая кухня? Слово разве правильное? В этом деле только Рунки разбирается. Шафик, недолго думая, набрал номер. Трубку взяла Рахела.

– Здравствуйте. Это Шафик.

– Да слышу. В чем дело?

– Я собираюсь открыть ресторан. И назову его «Мегхна».

– Что собираешься открыть?

– Ресторан. Где будут подавать всякую бенгальскую еду. Приду сегодня вечером – все обсудим.

– Вечером нас не будет, – серьезно ответила Рахела.

– Что ж, тогда дайте на минуту Рунки. Мне с ней посоветоваться надо.

– А Рунки нет.

– Как нет?

Рахела немного помолчала, затем спросила:

– Ты что, ничего не знаешь?

– Нет, а что?

– Рунки с нами больше не живет.

– И где ж она тогда живет?

- Я не знаю, где она живет, – холодно отчеканила Рахела.
- Почему вы мне ничего не рассказываете? – спросил Шафик после долгой паузы.
- А почему это я должна тебе что-то рассказывать? Ты-то здесь при чем?

Рахела бросила трубку и разрыдалась как ребенок. Не могла она больше жить в этом городе. Надо бы уехать куда-нибудь далеко-далеко. Как можно быстрее сбежать отсюда, чтобы никто больше не звонил и не искал Рунки.

IX

Рунки переехала к Тому.

Это вовсе неудивительно, если парень и девушка не женаты, а живут вместе. Разве может такой старый обычай, как свадьба, сохраниться до сих пор? Сейчас все и без свадьбы обходятся. Вот захотелось пожить вместе. А как только разошлись, разбежались в разные стороны. И никакой ответственности. А ответственность – это вроде цепи, чтобы любовь на привязи держать. Но разве небесную птицу любви на привязи удержишь?

Том жил не в квартире, а в замечательном доме. Перед домом – газон, цветочная клумба, на заднем дворе – отличный бассейн. Хозяин дома уехал в Швейцарию и поэтому сдал этот дом в аренду на четыре месяца. Арендная плата просто смешная – четыреста долларов в месяц, заплатить надо было одновременно.

Тому дом очень понравился. Разве может не понравиться дом, похожий на царские хоромы?

– Я снимаю ваш дом.

Хозяин дома, взглянув на одежду Тома, особым доверием к нему не проникся.

– Нужно будет разом заплатить тысячу шестьсот, – сказал он серьезно.

– Хорошо. Если приду завтра вечером, вы будете дома?

Если бы Том пришел, когда обещал, то застал бы хозяина дома, поэтому он не пришел. А явился на следующий день. Хозяина дома не было, дверь открыла его жена.

– Я пришел снять ваш дом, – улыбнулся Том. – Я уже договорился с вашим мужем.

– Ах да, он ждал вас. Вы принесли тысячу шестьсот долларов?

– Принес.

Том развернул оберточную бумагу и достал картину.

– Ее цена по меньшей мере три тысячи долларов, – серьезно проговорил он. – Но специально для вас – по бросовой цене.

Хозяйка остолбенела.

– Не бойтесь, если вам не нравится, я наличными заплачу. Вы присмотритесь-ка получше.

На картине изображен вечер. Из разбитого окна старинного дома выглядывает молодая девушка. Лицо девушки озарено багряными лучами заката. От картины глаз оторвать невозможно. Хозяйка колебалась:

– Я не могу взять картину, не посоветовавшись с мужем.

– Хорошо, тогда плачу наличными.

Том с серьезным видом полез в карман, где была только пятидесятидолларовая банкнота. Хозяйка, помолчав немного, решила:

– Лучше так сделаем: вы оставьте картину. Мы с мужем все обсудим и вам сообщим.

– Очень хорошо.

Том знал, что ее мужу придется оставить картину. Жалко, конечно – хорошая картина ушла. Но ничего не поделаешь. Ничего нельзя удержать: все уходит, все течет, все изменяется.

Когда Рунки приехала в первый раз, Том расписывал керамические вазы. Поступил заказ на десять штук. До пяти вечера надо закончить, а это дело занимает много времени. Том видел, что вошла Рунки, он на нее посмотрел, но ничего не сказал.

– Том, я к тебе приехала жить! – заявила Рунки с порога.

– Ну и правильно сделала.

Том был поглощен своей работой: с синей краской явно что-то не то – она почему-то стала сворачиваться.

– Ты, возможно, не совсем понимаешь, – серьезно продолжала Рунки. – Я оставила родителей.

Том оторвался от рисунка:

– Странно было бы приехать жить ко мне с родителями. Я не выношу стариков.

– Ты, кажется, не слышишь меня, Том. Пожалуйста, послушай, что я говорю. Посмотри на меня. Пожалуйста!

Том посмотрел.

– Я ради тебя все бросила и приехала сюда.

– Нет, Рун, это не так. Ты приехала не ради меня, а ради себя. Я никогда не предлагал переселиться ко мне. Не надо себя обманывать. Выбрось эти глупости из головы, а то потом сожалеть будешь.

Рунки не ответила.

– Давай быстренько приготовь мне кофе, – попросил Том. – Две ложки сахара, молока не надо.

С виду Том кажется несчастным бродягой, но на самом деле это не так. Как же Рунки удивилась, когда увидела, насколько Том аккуратен. Сigaretные окурки по дому не разбрасывает, шумных гулянок не устраивает. Встает еще до того, как проснется Рунки, готовит завтрак и садится рисовать. Часа три без перерыва работает. Выражение лица у него тогда, как у медитирующего: не разговаривает, на вопросы не отвечает, чай не пьет, только курит. А когда закончит свою утреннюю работу, ляжет и лежит молча несколько часов – словно опять медитирует. К двенадцати готов обед. Пообедав, он выходит на поиски работы. Но, как правило, ничего не находит. И лучшее, что остается, просто бродить. Потом он вывесит на углу какую-нибудь свою замечательную картину и сядет рядом. А под картиной большими буквами напишет: «Помогите тяжелобольному, умирающему от рака художнику – купите картину!

Он родился, чтобы стать знаменитым, но, увы! – судьба решила иначе». Картину быстро покупают. Настроение у Тома совсем портится. Тогда он бормочет сам себе: «Ничего нельзя удержать, все проходит». Иногда это его так расстраивает, что он изрядно выпивает виски и с покрасневшими глазами возвращается домой.

– Я родился, чтобы стать знаменитым, – говорит он серьезно Рунки. – Но ничего не выходит. Красный – мой любимый цвет, но я еще не научился использовать всю полноту его возможностей. И зачем я еще живу?

Понятно, что за подобными разговорами ничего не стоит. Но Рунки пугалась по-настоящему. Лучше и вовсе не быть известным художником. Том мог бы жить так же, как и все простые, обыкновенные люди. Был бы у него дом, семья, любовь, было бы счастье. И правда, ну зачем нужна эта слава?

Тому, конечно, очень нравилась Рунки. Но ее страх от этого не уменьшался. Ей все время казалось, что однажды он выйдет из дому и больше не вернется. Есть на свете такие люди, которых даже любовью не удержишь.

Сама же Рунки очень легко ко всему приспособилась. Бегать по магазинам, готовить – все это теперь не казалось ей таким сложным, как раньше. Правда, она с тревогой выходила на улицу – боялась, как бы кто-нибудь из знакомых не увидел. Как хорошо было бы с Томом вдвоем уехать куда-нибудь далеко-далеко! На какой-нибудь маленький остров в Тихом оке-

ане, куда не ступала нога человека. Заходящее солнце окрашивает вечернее небо в алые тона, и вдруг мгновенно все погружается в ночную тьму.

Дом Тома, правда, очень похож на такой остров. Он стоит за городом, в чистом поле. Никто адреса не знает, никто не придет. Рунки как-то хотела позвонить матери и дать свой адрес.

– Мне ваш адрес не нужен, Рунки, – спокойно сказала Рахела. – Оставьте себе.

– Ну хорошо. Тогда запиши номер телефона.

Рахела не ответила, положила трубку.

Никто не знал, где Рунки, но однажды приехал Шафик на своем разбитом форде. Удивлению Рунки не было предела.

– Я приехал поженить вас согласно всем бенгальским традициям, – заявил он, вылезая из машины. – Из дома жениха в дом невесты нужно принести лосося. Новобрачные должны быть посыпаны куркумой – таков свадебный обычай. Народ соберем, и это событие прославит страну!.. Ну, что скажешь?

Рунки с трудом удерживала смех.

– О, да, конечно же, так Том и согласится! Это что за идея, Шафик?

– Что значит «не согласится»? Придется, согласим. Парень опозорил Бангладеш! Умыкнул бенгальскую девушку!..

– Шафик, Том никого не умыкал, – с серьезным лицом проговорила Рунки. – Я сама приехала. И из-за меня никто не может опозорить твою Бангладеш. Я не бенгалка. По рождению я американка. Я даже не натурализованная гражданка, как мои родители.

Весь день Шафик пробыл у Рунки. Ему нужна была помощь, чтобы открыть ресторан «Мегхна». Это будет суетное дело. В ресторане должны звучать народные бенгальские песни. А самые известные художники-бенгалцы масляными красками напишут на стенах родные пейзажи. И после еды будут подавать бетель и на чистом бенгальском говорить: «Приходите еще».

– Но где ты деньги достанешь?

– С миру по нитке, ты тоже должна дать денег. Исключений не делаем.

– У меня при себе всего-то сотня долларов.

– Ну ладно, давай сотню и расписывайся. С тебя и начнем.

Шафик прождал весь день, но так и не дождался Тома. Он придет в восемь. Нашел какую-то работу – декорирование школы имени Рузвельта. Вот закончит и вернется.

Х

Октябрь.

Для снега еще рано, но метеоцентр сообщил о возможном снегопаде. Вероятность двадцать процентов. Весь день на небе сияло солнце, но ближе к вечеру стали собираться тучи. В половине седьмого начали падать белые хлопья. Первый снег. Радости нет предела. Старики и дети удивляются: «Какой чудесный снег! Как красиво!»

В девятичасовых новостях сказали, что из Канады идет холодный воздух, а с юга – теплый. Из-за этого метель может продлиться всю ночь. Уже выпал фут снега. На улицах гололед. Никто не выходит из дому без необходимости. Хайвей I-90 закрыт. Очень веселое время. Начинается снежный праздник: пиво, жареный миндаль и громкая музыка. Встреча первой метели – давняя традиция Фарго.

Анис закутался в толстое одеяло и поудобнее устроился на диване. В комнате есть камин, но Анис не умел его толком разжигать. Кто знает, в порядке труба или нет? Лучше уж закутаться. Есть горячий кофе. По телевизору показывают шоу Дэвида Копперфилда. Под рукой две книги о привидениях. Первая – «Сияние» Стивена Кинга. Если верить «Нью-Йорк Таймс»,

ни один здоровый человек не может прочесть ее в одиночестве. Вторая – «Другой день» Димса Килена. Леденящий кровь роман про монстров. Лучшей подготовки к вьюжной ночи и придумать нельзя.

Анис отодвинул штору и посмотрел на улицу. Все было покрыто снегом. Ветер кружил снежные хлопья. Снег слоями ложился на листья деревьев, как масло на хлеб. Ослепительно белое покрывало спрятало под собой город. Оно постоянно волновалось на ветру, как парус. Удивительное зрелище. Нельзя оторвать глаз. Анис стоял у окна как зачарованный. Как раз в это время появилась Мелисса Гилберт.

Даже в такой холод на ней не было ничего, кроме легкой ветровки. Уши закрыты черным шарфом. В руках она держала пакет с едой.

– Я думала, никого нет. Долго стучала. Наверно, у тебя кто-нибудь из твоих подружек?

– Заходи. Зачем вышла на улицу в такой день?

– Ты не ответил. У тебя кто-то есть?

– Нет. Никого нет.

Мелисса немного нерешительно стала открывать пакет.

– Размотай шарф и вытри волосы. Зачем торопиться?

– Торопиться надо. Я с утра не ела. Вся еда остыла. Разогрею, а потом приведу себя в порядок.

Еда была самая обычная: большая пицца, несколько мексиканских тако и бутылка дешевого бургундского.

– Есть какой-нибудь особенный повод, Мелисса?

– Сегодня мой день рождения.

– Ты праздновала день рождения два месяца назад, – улыбнулся Анис.

– Я тогда соврала. Хотелось куда-нибудь с тобой сходить. Вот и сказала, что у меня день рождения.

– А по-другому я бы не пошел?

– Нет. Я плохая девушка. Тебе было бы неловко со мной выходить.

Мелисса быстро поставила еду в духовку и начала вытирать волосы.

– Ты не сердись на меня? Я так неожиданно пришла. Хотела позвонить, но потом подумала – ты скажешь, что занят. А при встрече никто так не скажет. Анис, ты что, злишься?

– С чего это я должен злиться? Только где же праздничный торт?

– Торт купить не вышло. У меня не хватило денег. Да я и не люблю торты.

Анис заметил, что глаза у Мелиссы слегка покраснели и были как будто затуманены.

– Ты что, выпила лишнего?

– Не лишнего, но выпила. Только в одиночку пить не понравилось.

Можно было бы позвонить и заказать торт, но кто примет заказ в такую погоду? Но почему не попытаться? Анис пошел в гостиную и крикнул Мелиссе:

– Ты занимайся едой, а я сделаю один звонок и приду.

Заказ приняли. Сказали, что выполнят через час. Анис заказал не только торт, но и букет из десяти роз. Анис вдруг почувствовал, как он одинок. Он был рад неожиданному появлению Мелиссы. Это была какая-то совсем новая для него радость.

– Анис, тебе нравится пицца?

– Очень нравится.

– Из дешевой еды это самое лучшее, правда?

– Да.

Мелисса улыбнулась:

– Мне двадцать один год. Никто бы не поверил, что в двадцать один год у девушки на дне рождения нет гостей. Джон сказал, что придет. Я все это для нас с Джоном купила. Но у него вдруг заболела голова.

– А кто такой Джон?

– Мой друг. Как ты думаешь, у него на самом деле голова заболела?

Анис не ответил.

– У Джона появилась новая девушка. Мексиканка. Он, наверное, с ней сейчас. Как ты думаешь?

– Трудно сказать. Зависит от того, в каких вы отношениях с Джоном.

– Встречались четыре субботы подряд. Джон сам этого хотел. Два раза спала с ним. Это было неправильно. Это сбивает цену. Кроме того, ты не видел эту мексиканку. У нее отличная фигурка. Для мужчин фигура – самое главное.

– Как твоя мама? – спросил Анис, чтобы сменить тему.

– Хорошо. На прошлой неделе получила от нее письмо. Старушка увлеклась путешествиями. Нашла даже себе друга – Джима Дугласа. Кажется, этот старик за ней увивается. Почуял запах денег. Эти двое могут вдруг взять и пожениться. Будет большая проблема. Что если я тогда ничего не получу? Такая вот я удачливая.

– Куда едет твоя мама?

– Кто знает? Я ей написала, чтобы она поехала, что если ей хорошо, то и мне хорошо, и что с Дугласом ей будет весело. На самом деле, я так не думаю. Сам понимаешь, я это все насочиняла.

Мелисса даже не притронулась к еде, только выпила стакан бургундского. Казалось, она совсем опьянела. Глаза покраснели.

– Послушай, Анис, мне кажется, я тебя люблю. Почему смеешься? Ты думаешь, я написала? Вовсе нет.

– Хочешь кофе?

– Нет. Послушай, Анис, я, скорее всего, стану миллионершей. Ты на мне женишься? Не прогадаешь.

– Зачем я буду жениться на тебе ради денег? Ты сама по себе стоишь немало.

– Ты так говоришь, чтобы меня порадовать.

– Нет. Ты забыла, что сказал Нишанатх-бабу. Он сказал, что ты похожа на индийскую богиню.

– Я помню. Когда у меня будут деньги, я подарю этому господину бьюик-скайларк. У него есть бьюик?

– Нет. Он выше всего этого.

– У Майка был скайларк. Майк – большой человек. Я с ним долго встречалась. Он мне подарил платье за двести семьдесят пять долларов. Я тебе покажу.

Анис ничего не говорил. Ему показалось, что Мелисса слегка качается.

– Больше не пей, Мелисса.

– Почему?

– Тебе уже много. У тебя руки дрожат.

– У меня температура. Я себя не очень хорошо чувствую.

– Ты была у врача?

– Нет. Ничего серьезного. Кроме того, у меня нет медицинской страховки. Чтобы пойти к врачу, нужна куча денег. Кто мне ее даст? Ты-то, конечно, не дашь. Ха-ха-ха.

Ближе к десяти привезли торт. В целлофан были завернуты десять прекрасных алых роз. Мелисса удивленно смотрела на цветы.

– С днем рождения, Мелисса, – улыбнулся Анис.

Мелисса ничего не ответила. У нее на глазах появились слезы. Чтобы спрятать их, она отвернулась.

XI

Зима в этом году выдалась очень морозной.

Даже те, кто постоянно живет в Фарго, говорят: «Ужасная погода!» В феврале снега нанесло метра полтора. С наступлением вечера никто не выходит на улицу. Даже такого развлечения, как шоппинг, не осталось. Простояв несколько часов на морозе, машина не заводилась. На большой зимней распродаже и то никого нет.

У Тома наступили тяжелые времена. Работы нет. И за весь месяц ничего не появилось, кроме иллюстраций к детской книжке. Продажу картин на улице тоже пришлось прикрыть. В такой сильный мороз никто пешком не ходит. Все на машинах ездят. Кому это нужно – останавливаться, чтобы купить картину? А главная проблема в том, что пришлось переехать на окраину. В новой квартире кухню и ванную приходилось делить с соседкой. Том часто повторял, что они скоро уедут из этого города, но дальше слов дело не шло. Вот нарисует город, засыпанный снегом, и распрощается с ним. Но снег все что-то не ложился так, как хотелось Тому.

– Город, поверженный природой, напишу – и все. Понимаешь, Рунки, время еще не пришло.

– А долго еще осталось до того, как город станет полностью поверженным?

– Долго. Надо подождать.

Рунки противно было жить в этой квартире. Девушка, с которой им приходилось делить ванную и кухню, была ужасной грязнухой. Кроме того, она до поздней ночи слушала громкую музыку и все время просила у Тома сигареты. Рунки это не нравилось. Нездоровая обстановка. Частенько на лестничной площадке орали во всю глотку пьяные. Несколько дней назад приезжала полиция, забрали одного мужчину из шестой квартиры. Вот бы уехать отсюда куда-нибудь – можно было бы вздохнуть спокойно. Но уехать не получается. Так дешево в Фарго квартиру не снимешь. Том сам тоже старается что-нибудь найти. Но денег у него нет. Если так и дальше пойдет, то придется просить пособие по безработице. Том против.

– Я что, нищий какой-нибудь, чтобы пособие по безработице получить?

– А если так сложится, что больше нечего будет делать?

– Тогда переедем куда-нибудь в другое место. Не думай об этом.

Рунки хотелось помочь Тому, но зимой очень трудно найти работу. В конце концов работа нашлась в южном Фарго. Но без машины в такую даль не добраться. Автобусы туда не ходят. У Тома машины нет. Пришлось Рунки целыми днями сидеть дома. Пропускала занятия в университете. На зимнюю сессию даже не зарегистрировалась – негде было занять семьсот долларов на обучение.

Том весь день бродит по городу в поисках работы. Рунки сидит дома. Это ей не нравится.

– Возвращайся-ка ты к родителям, Рунки, – сказал как-то Том.

– Почему?

– Тебе здесь не нравится.

– Я что, говорила, что мне здесь не нравится?

– стыдно тебе, вот и не говоришь. К родителям поехать тебе тоже стыдно. Нет в этом ничего постыдного, Рунки.

– Глупости говоришь, Том.

– В этом ты ошибаешься, Рунки, – рассмеялся Том. – Я никогда не говорю глупости. Вижу, что ты сомневаешься, вот и говорю тебе все это.

– Ты что, думаешь, я тебя больше не люблю?

– Этого я не говорил, Рун.

– Ты меня любишь?

– Ты замечательная девушка. Тебя кто угодно полюбит.
– Ты не ответил на мой вопрос.
– Я тебя очень люблю, Рунки.
– Если ты меня действительно любишь, то давай куда-нибудь уедем отсюда, пожалуйста.
– Еще несколько дней. Вот закончу пейзаж города, поверженного природой, и отправимся.

Теперь Рунки иногда хотелось поехать к маме и поговорить с ней обо всем, но смелости не хватало. Посмотрит мать на нее и, конечно, все поймет. Матери, они очень многое понимают.

Однажды приехал Шафик. Он только спросил:

– Ба! Как ты себя чувствуешь, Рунки?

Рунки вдруг подумала, а не рассказать ли обо всем Шафику? Она уже, было, хотела, но сдержалась. Сначала надо рассказать обо всем Тому. Неправильно будет, если кто-то узнает раньше него.

Шафик принес много новостей, все больше бангладешских.

– Понимаешь, Рунки, теперь Зияура Рахмана зовут «Зияур Рахман-каналокопатель». Только каналы и копает.

– Кто такой Зияур Рахман?

– Боже мой! Наш президент. Не мужчина – ангел.

– Серьезно?

– У бедняги, кроме рубашки с короткими рукавами и пары брюк, ничего нет.

– Да что ты говоришь, Шафик!

– Что, не веришь? С чего это я вдруг стал бы врать? Он ни копейки от правительства не берет.

– И как же он обходится без зарплаты-то?

– А чего ему обходить, ничего он не обходит. Жизнь свою человек стране посвящает. Разве есть у него время о себе подумать?

Раз уж Шафик пришел, Рунки решила его без ужина не отпускать. Ей очень захотелось приготовить что-нибудь бенгальское. В тот день на ужин был рис.

– Как тебе еда, Шафик? Получилось, как у мамы?

– Чудесно. Первый класс.

– Рис не переварился?

– Переваренный рис я очень люблю – жевать не нужно. Только в рот положишь – он тут же дальше проскальзывает.

– А ты работу получил, Шафик?

– Нет, Жозефину пока умасливаю, но работу никак не получу.

– Попробуй где-нибудь в другом месте найти.

– У меня нет грин-карты, кто же такого на работу возьмет? Тьма беспросветная.

– Ты в прошлый раз говорил, что нашел работу на факультете фармакологии.

– Вероятность – сорок процентов. Работа несложная: присматривать за обезьянками, клетки держать в чистоте, следить за их сбалансированной диетой. Всем там заправляет доктор Луис, посмотрим, удастся ли парня обработать. У него внутри нет и крупницы жалости. Плачь перед ним, не плачь – толку никакого.

Пейзаж поверженного города Том так и не написал. Зато подвернулась работа в одном маленьком городке в Монтане. Том должен был декорировать гостиную нового зимнего дома в горах. Условия обычные: пока работа не будет закончена, проживание в зимнем домике и питание гарантированы. Рядом лыжный спуск. Кроме того, еще и замерзающее озеро есть. В зимнее время там можно рыбачить. Просверлишь лунку во льду, опустишь удочку, и можно

поймать огромных карпов. Том согласился. Пейзаж поверженного города можно написать и позже.

Однажды вечером Том пришел с бутылкой шампанского, чем несказанно удивил Рунки.

– Давай, Рунки, отпразднуем.

– Что отпразднуем?

– У тебя будет ребенок, вот это и отпразднуем.

Рунки долго не могла проговорить ни слова.

– Когда ты узнал?

– Это что, так важно?

Открыли шампанское, пробка вылетела с шумом. Том улыбнулся:

– Мой ребенок будет очень счастливым. И послушай, Рунки, мне кажется, нам нужно пожениться. Здесь и регистрируемся. Медовый месяц будет в Монтане, правильно? Или ты хочешь остаться незамужней?

Рунки ничего не ответила.

– После того, как мы поженимся, поедem к моим родителям, – продолжал Том. – Они живут в Сиэтле. У них маленькая ферма – тебе понравится. Но отправимся туда летом, когда погода улучшится. Или как? Что ты плачешь, Рунки?

Перед отъездом в Монтану, Рунки увиделась с матерью. Рахела открыла дверь и замерла.

– Ну что, мама, можно я войду?

Рахела ничего не ответила, а только открыла дверь и отошла в сторону.

– А где папа?

– В Миннеаполис поехал.

– Когда вернется?

– В понедельник.

– Жаль, тогда не увидимся с ним. Мы уезжаем в Монтану, мама. Рахела молчала. Рунки растегнула пальто.

– Значит, матью станешь? – спокойно проговорила Рахела.

– Да, стану. И не нужно так сердито смотреть, мама. Мы уже получили свидетельство о браке. Знаю, что на свадьбу ты не придешь, но все равно пришлю тебе приглашение.

Рунки вытерла волосы полотенцем и непринужденно сказала:

– Кофейку попьем? Что-то холодно на улице.

Рахела поставила кофейник. Немного помолчав, она спросила с кухни:

– Учебу ты, значит, бросила?

– Снова начну. Кроме того...

– Кроме того – что?

– Какой толк от знаний, полученных только из книг? В мире столько талантливых людей, у которых не было университетского образования.

– Образования не было, зато у них был талант. А у тебя его нет.

Рунки засмеялась, взяла чашку с кофе и пошла на второй этаж, в свою комнату. Рахела поддерживала там идеальный порядок. Зайдешь в комнату, и кажется, что девушка, которая живет в ней, в колледже и вот-вот вернется.

Рунки заметила, что все ее вещи были выглажены. Мать принесла снизу и поставила в комнате две куклы Барби. На стене висела детская фотография Рунки: она надувает пузырь из жевательной резинки.

Рахела услышала, что наверху играет музыка – известная песня:

*We had joy we had fun
We had seasons in the sun
But the hills we will climb*

Where the seasons out of time

Молча Рахела поднялась наверх. Рунки сидела на полу, скрестив ноги. Усталая, грустная поза. Плачет она, что ли?

– Рунки, ты сегодня здесь будешь обедать?

Рунки, вытирая слезы, сдавленным голосом проговорила:

– Нет, мама, в полдень мы уезжаем. Приедет Том и меня отсюда заберет.

– Ты если хочешь какие-нибудь вещи свои взять – бери.

– Мама, я ничего не хочу брать. Ты можешь для моего ребенка придумать два имени, – спросила Рунки сквозь слезы. – Одно для мальчика, другое – для девочки?

Рахела, немного помолчав, отвечала:

– Мои имена вам не понравятся, Рунки. Вы сами выбирайте имя.

– Почему ты злишься, мама? Ты разве не понимаешь, что я очень далеко уезжаю?

– Ты уже давно далеко уехала. Незачем снова это понимать.

Рунки очень долго молчала.

– Мама, ты можешь, как раньше, в старые добрые времена, поцеловать меня? Пожалуйста!

ХП

Нишанатх-бабу рано утром вышел из дома.

Начались осенние распродажи, и он хотел все их обойти. Старики выставляли ненужные вещи в гаражах. Цены символические, и Нишанатх с самого утра прогуливался по распродажам, это было его настоящей страстью. Среди вещей, которые он купил за последние четырнадцать лет, было даже одно пианино. Двухэтажный дом Нишанатха-бабу на М-стрит забит вещами, купленными на распродажах, – места для новых не было, но он все продолжал покупать.

Сегодня ему приглянулась одна ваза из немецкого серебра. Очень красивая работа. Стоила один доллар.

– Скинуть немного не сможете? Один доллар, кажется, дороговато.

Старик, который это выставил, удивленно произнес:

– Неужели один доллар недостаточно мало, доктор Нишанатх?

Нишанатх-бабу узнал в старике преподавателя статистики Стэнли, хотя сделать это было непросто, потому что лицо было полностью закрыто шапкой.

– Доброе утро, Стэнли.

– Доброе утро. Не хотите ли кофе? По случаю распродажи можно выпить кофе. Всего пятьдесят центов. Вторая чашка бесплатно.

Нишанатх-бабу заплатил пятьдесят центов и взял кофе.

– Как торговля?

– Неплохо. Наторговал на девять с половиной долларов. Присаживайтесь.

Нишанатх-бабу удивленно посмотрел на Стэнли. Этот человек зарабатывает около четырех тысяч долларов в месяц. Чтобы перекусить в полдень, старик тратит тридцать-сорок долларов, но как он счастлив от того, что заработал девять с половиной долларов на домашнем мусоре.

– Понимаете, я готовлюсь отправиться в дом престарелых. Продаю все вещи – освобождаю руки.

– А не рано ли готовитесь?

– Нет, пришло время уходить на пенсию. Уже года два как пора.

Кроме вазы из немецкого серебра Нишанатх-бабу купил большое зеркало, которое стоило три доллара. Стэнли несколько раз повторил:

– С зеркалом вы не прогадали. Моя жена в Италии купила за целых шестьсот лир.

Нишанатх вернулся домой около одиннадцати. Он очень удивился, увидев, что на веранде в кресле сидела Рунки. Она с улыбкой сказала:

– Ходили на распродажу, дядя?

– Да.

– Ваша старая болезнь.

– Заходи внутрь, Рунки.

– Что сегодня купили?

– Одну вазу из немецкого серебра и зеркало. Может, возьмешь?

– Нет.

– Возьми зеркало. В Италии за него шестьсот лир заплатили.

– Хорошо. Дядя, я пришла к вам попрощаться.

Нишанатх-бабу, ничего не ответив, налил в чайник воды.

– Мы отправляемся в Монтану, – произнесла Рунки.

– Монтана – очень красивое место.

– Возможно, мы с вами больше не увидимся.

– Это нехорошо, когда девушка говорит так пессимистично. Она должна говорить, что, может, снова увидимся. Суть одна, но тон оптимистичный. Что-нибудь будешь к чаю?

– Нет, дядя. У меня для вас есть одна очень хорошая новость. Мы женимся.

– Знаю, Шафик сказал. По бенгальскому обычаю?

– Нет, вовсе нет.

Когда Нишанатх приготовил и принес чай, Рунки плакала.

– Почему плачешь? – спросил он спокойным голосом.

– Дядя, я что, неправильно поступаю?

– Что правильно, а что неправильно – судить не нам. Не беспокойся об этом, пей чай.

Рунки сделала глоток.

– Я преподавал в одном колледже в Кидирапуре математику. В какой нужде я жил! А сейчас посмотри в мою чековую книжку – ты удивишься. Если бы я остался в Кидирапуре, это было бы ошибкой, но приехать в Америку тоже было ошибкой. В таком случае что же правильно? – продолжил Нишанатх-бабу.

Рунки сидела молча.

– Радость жизни – единственная правда. Если она есть, все в порядке. Я заверну зеркало в бумагу?

– Заверните.

Нишанатх ушел в соседнюю комнату, чтобы завернуть зеркало в подарочную бумагу. Рунки слегка улыбнулась. Она знала, что Нишанатх-бабу завернет в бумагу не только зеркало. Вместе с ним в конверте будет чек на кругленькую сумму. Это была старая привычка Нишанатха. Он всегда дарил Рунки на день рождения книгу, и там всегда лежал конверт. Он, конечно, мог дать чек открыто, но никогда этого не делал. Сколько же все-таки на свете странных людей.

ХIII

Все попытки переубедить Жозефину оказались напрасны. Она твердо стояла на своем:

– На работу я тебя не возьму, психов не держу, у меня на них аллергия.

– Но мне же есть нечего, Жозефин, кто кроме тебя даст мне работу?! Я же голодать буду...

– Пока ничего подходящего не подвернется, ты всегда здесь получишь колу и гамбургер бесплатно, но на работу я тебя не возьму.

Иностранцу найти работу в Фарго стало очень сложно. Звонишь по объявлению, первый вопрос: «Грин-карта есть?» Услышав, что нет, просто вешают трубку. Если люди повежливей, иногда участливо предлагают:

- Вы оставьте адрес. Сейчас мест нет, но как только появятся, мы с вами свяжемся.
- Но если мест нет, зачем объявление-то давали?
- Да были места, но уже все заняты.

Пришлось запустить руку даже в деньги на ресторан – всего удалось собрать 711 долларов. Сама идея ресторана уже не казалась такой привлекательной. Дело в том, что Рахман со своим «Индия Хаус» выбыл из бизнеса. Он говорил, что этот городишко слишком мал и у заведения с такой кухней не будет клиентов. Даже в китайских ресторанах народ бывает только два дня в неделю: по пятницам и субботам, а в остальное время – пусто. Кроме того, надо быть сумасшедшим, чтобы в такой мороз идти куда-то обедать.

А тут еще и эта эмиграционная служба, раза четыре уже письма приходили, а на днях откуда ни возьмись полиция заявила. Пришлось переехать, теперь он жил через дорогу от таверны «У Никса». Его каморка была такая маленькая, что ничего кроме кровати там просто не помещалось. Питался он у Жозефины. Каждый раз после еды старуха брала счет, шла к нему и мрачно спрашивала:

- Работу нашел?
- Нет.
- За счет заведения.
- Запиши на меня, я, как на работу устроюсь, отдам все разом.
- Ростовщицеством я, слава богу, не занимаюсь, – все так же мрачно отвечала хозяйка

и удалялась.

Работа наконец-то нашлась.

Удалось устроиться на том самом факультете фармацевтики ухаживать за животными: десяток обезьян, несколько собак и полторы-две сотни морских свинок. Всех надо было вовремя кормить, а клетки содержать в чистоте, следить, чтобы паразитов не заводилось. Зарплата на такой работе просто смешная: 90 долларов в неделю. А что делать? Пришлось согласиться. И Шафик рьяно принялся за дело.

Работа оказалась не такой плохой, как представлялось поначалу. В клетке с обезьянами оказался один совсем еще малыш. Увидев Шафика, он немедленно оскалил зубы и начал кривляться.

- И где ты только таким пакостям научился? – удивленно проговорил Шафик.

Услышав это, обезьяна, испытав, казалось, душевный подъем, смачно плюнула в сторону Шафика.

- Что ты делаешь, подлец? Сейчас ты у меня получишь?

Брань Шафика только воодушевила зверька, и в порыве беспредельного счастья он стал скакать и кувыркаться по всей клетке.

Было семь часов вечера, и Анис только вернулся из университета. Не успел он умыться, как откуда ни возьмись появился Шафик и заявил, что Анис должен пойти с ним.

- Ты сначала объясни, в чем дело, – сказал Анис.
- Если скажу, вы не пойдете, – не унимался Шафик.
- Да пойду, дома все равно делать нечего. Говори давай, в чем дело.
- Покажу вам Джона Бахадура, исчадие ада... Эта дрянь мало того, что свинья номер один в мире, так еще, нет, вы не поверите, это надо видеть.
- А кто это, Джон Бахадур?

– Ой, я же вам еще не сказал. Это обезьяний детеныш, но ведет себя, как истинное исчадие ада, сами увидите.

Но увидеть не получилось, Джон Бахадур спал. Шафик очень огорчился, но Анис только рассмеялся и сказал, что придет на следующий день.

– Приходите с утра, во время кормления вы здесь такое увидите! На завтрак у него один банан, одно яблоко и одно яйцо, так вот, этот паршивец съедает банан и яйцо, а яблоко предлагает мне. Вот увидите.

– Ну вот, а ты говоришь «исчадие ада», все бы люди себя так вели.

– Нет-нет, это – только цветочки, о настоящих его выходках я еще даже не упоминал.

– Ты сейчас занят? Не мог бы меня кое-куда подвезти? – вдруг очень серьезно сказал Анис.

– А куда?

Анис немного поколебался и сказал:

– Я познакомился с одной девушкой, мы давно не виделись, и я хотел бы ее найти.

Шафик очень удивился. Анис, помолчав, продолжал:

– Я возвращаюсь домой, Шафик, в Бангладеш, Америка не для меня. Эта девушка... я хочу взять ее с собой.

– А где она живет?

– В Фарго, в южной части.

– Поехали. В цветочный магазин заезжать будем?

– Цветы? Зачем?

– Как можно делать предложение американской девушке и не подарить ей цветов? – рассмеялся Шафик. – Охапка роз подойдет идеально. В центре есть цветочный магазин. Круглосуточный.

– Да, конечно, поедem за цветами, – произнес Анис после долгого молчания.

Мелиссы дома не оказалось.

– У нее умерла мама, – сказала хозяйка, – она поехала узнать, достанутся ей деньги или нет.

– А когда она уехала?

– Неделью назад.

– И что, она что-нибудь получила? – спросил Анис.

– А я откуда знаю. Она мне сто долларов должна за комнату, мне и самой интересно, увижу я свои деньги или нет.

– Я могу оставить эти розы у нее в комнате?

– Конечно, почему нет. Оставляйте. А вы что, ее друг?

– Да.

– Это хорошо, а я уж думала, что у нее совсем друзей нет. Они обе снимают у меня жилье, и у обеих нет приятелей. Одна – Мелисса, другая – Эмили Джохан.

– Эмили Джохан?

– Да, Эмили Джохан. Слышали? Известный поэт, у нее награда гильдии писателей.

– Я могу с ней поговорить?

– Нет, бесполезно, она много выпила.

На обратном пути Анис не произнес ни слова.

XIV

Рано утром, надев куртку и взяв лопату, Амин вышел на улицу. Подъездная дорожка была занесена снегом. Если ее не расчистить, машина не сможет выехать. Жуткий холод – даже глаза жжет. Пронизывающий ветер. И хотя нос и рот закрыты, кажется, что ветер и холод

все равно как-то проникают внутрь. Амин несколько раз откинул снег лопатой и устал. Старость не радость. Не мог он уже, как раньше, работать. Пришло время уйти, вот-вот пробьет его час. В этот раз предстоит длинная дорога. Место назначения неизвестно. Амин тихо вздохнул. Была б здесь Рунки, не пришлось бы так напрягаться. В мгновение ока она бы раскидала снег и вывела машину, а потом начала бы бегать вокруг, лепить снежки и кричать: «Сейчас брошу в тебя, папа! Увидишь, какая я меткая!» Дочка-то совсем сорванец.

Нет, неверное, Рунки сейчас уже не сорванец. Амин, чтоб отдохнуть, прислонился к гаражу и тут увидел, что Рахела стоит на веранде второго этажа, закутавшись лишь в белую шаль. Ну кто стоит на таком холоде в одной шали? Вот сляжет с пневмонией, что тогда? Рахела сверху позвала: «Иди чай пить».

За чашкой чая Амин почувствовал себя неважно – стало трудно дышать. Но он ничего не сказал.

– Сегодня особенный день, – сказала Рахела. – Помнишь?

– Нет.

– Сегодня день рождения Рунки.

Амин очень удивился. И как это он забыл об этом. ...Уф, как же тогда было трудно. Все занесено снегом. По улицам не проехать. А тут у Рахелы начались схватки! Он решил «скорую» не вызывать, сам повез жену. На Пятнадцатой улице подобрали Нишанатха-бабу – ну и перепугался он тогда: даже пот у него на лбу выступил, несмотря на холод. Вдруг Рахела проговорила: «Мне кажется, все может случиться прямо в машине». «Матушка, – ответил ей Нишанатх, – молись богине Кали и не шуми». Тут Рахела запротестовала: «Кто мне Кали? Не знаю таких...» В этот момент машина заскользила и съехала в кювет. Ух, натерпелись же они страху!..

– Налей мне еще чашку, – попросил Амин.

– Тебе что, плохо? Ты весь вспотел.

– Нет, все хорошо.

– Я хочу заказать торт, чтоб отпраздновать день рождения Рунки, – сказала Рахела.

Амин удивленно посмотрел на нее. Рахела опустила глаза:

– Я, ты и Нишанатх-бабу.

– Хорошо.

– Я была несправедлива к Рунки, – тихо проговорила Рахела.

Амин не ответил. Рахела продолжала:

– Мы ее воспитывали по своему образу и подобию. Не разрешали ей в походы ходить, с мальчиками встречаться.

– Оставь это все.

– Живя в Америке, пытались воспитать бенгалку – ну скажи, что это такое?

Амин молчал.

– Вчера ночью я видела Рунки во сне. Будто я с ней приехала навестить тетю. А тетя и говорит: «Рахела, твоя девочка разговаривает на чистом бенгальском, а ты говорила, что она не знает языка»... Ты помнишь тетю?

– Нет.

– На нашу свадьбу она подарила тебе перстень с жемчужиной, перстень оказался тебе велик, тетя это увидела и разрыдалась.

– Вспомнил. Такая крупная полная дама, не так ли?

– Да. Как же она любила меня! Слышала, сейчас ей нелегко приходится. Живет вместе с сыновьями. А те за ней не ухаживают, совсем не следят, о ее здоровье не заботятся. Я хочу послать ей денег.

– Хорошо.

– Крупную сумму. Тетя, конечно же, очень обрадуется.

- Да, обрадуется.
- Я думаю послать ей пятьсот долларов.
- Я сделаю банковский перевод, – сказал Амин.
- У Рахелы потекли слезы.
- Почему плачешь?
- Что? Я не плачу, – ответила Рахела и тут же тихо добавила. – Я тебе кое о чем не сказала. Месяц назад приезжала Рунки.

Амин внимательно посмотрел на жену. Рахела продолжала:

- У Рунки будет ребенок.
- Это она тебе сказала?
- Да.
- Том еще с ней?
- Да.
- Зачем Рунки приезжала?
- Хотела для своего ребенка два имени: одно мужское, другое женское.
- Амин долго молчал, потом проговорил:
- Если будет девочка, пусть ее будут звать Беаса.
- Беаса?
- Да, так называется речка в Пенджабе...
- Тебе плохо? Ты очень вспотел.
- Да, мне плохо, – устало проговорил Амин.
- Не надо выводить машину. Пойди ляг. И позвони Нишанатху, пусть он вечером приезжает поужинать.

Амин пошел в свою комнату. Ему было совсем плохо. В таком возрасте уже нельзя снег разгребать. Слишком тяжелая работа. Организм слабый и уже не такой выносливый, как раньше. Если Амину пройти обследование, наверняка выяснится, что у него сахарный диабет.

Прежде чем позвонить Нишанатху, Амин зачем-то закрыл дверь. Нишанатх был дома.

- Нишанатх-бабу, это Амин.
- Да, я узнал. Вам что, плохо? Вы так устало говорите.
- Нет, все хорошо. Я вам позвонил по очень важному делу.
- Слушаю вас.
- Вы ведь знаете, что я дом и все состояние завещал дочери. Вы свидетелем были.
- Да, знаю.
- Нишанатх-бабу, мы с женой ссорились по разным поводам.
- Амин, в таком возрасте не стоит об этом вспоминать.
- Амин помолчал немного и сказал:
- Нишанатх-бабу, я очень несправедливо поступил с Рахелой. Если я сегодня умру, она будет обречена на нищенское существование.
- Амин, вам очень плохо?
- Да. Приезжайте, пожалуйста, я хочу составить новое завещание.
- Я сейчас же приеду. И привезу все бумаги.
- Нишанатх-бабу.
- Слушаю.
- Сегодня день рождения Рунки.
- Я знаю. Еще утром вспомнил.
- Амин тихо спросил:
- Еще хочу вас спросить, что вы думаете об этом мальчике, Анисе?
- Он очень хороший человек, надежный.

Амин позвонил Анису. Тот очень удивился: Амин никогда раньше ему не звонил.

– Анис, узнаете меня? Это Амин.

– Я вас узнал. Что случилось?

– Ты найдешь мою девочку?

Анис удивленно спросил:

– Вам что, плохо?

– Да.

– Что случилось?

– Я не знаю. Только, кажется, пришел мой час. Найди мою дочь. Пожалуйста!

– Я сейчас же приеду.

Амин открыл дверь и увидел Рахелу. У нее был такой испуганный вид.

– Что с тобой? – спросила она.

– Рахела, я умираю, – ответил Амин.

Рахела взяла Амина под руки и усадила в кресло.

– Я очень несправедливо поступил с тобой, Рахела.

Рахела быстро расстегнула воротник рубашки мужа. Ее руки дрожали. Что делать – она не знала. По телу Амина струился пот.

– Рахела, не сердись. Очень несправедливо поступил.

– Мама! Мамочка! – закричала Рахела, словно зовя на помощь свою давно умершую мать.

XV

Мелисса Гилберт получила деньги своей матери. Такой суммы она и представить себе не могла. Когда позвонил адвокат и спросил, какую новость – хорошую или плохую – она хочет услышать сначала, Мелисса ни о чем не догадывалась.

– Хорошую, – ответила она.

– У вас все в порядке с сердцем? Вы можете упасть в обморок.

Но когда она услышала, что случилось, у нее даже не изменилось настроение.

– У меня умерла мать. Я еду во Флориду, – сказала она хозяйке квартиры. – За комнату заплачу вам, когда вернусь.

Денег на самолет не было и пришлось ехать на автобусе компании «Грэй Хаунд», который уходил в четыре ночи и шел до Флориды тридцать три часа. Тяжело выдержать такую длинную поездку. Мелиссу не покидала мысль, что адвокат, возможно, ошибся. А вдруг мать завещала все деньги онкологическому институту или какому-нибудь детскому дому, чтобы сделать себе имя? Что, если этот молоденький адвокат еще не видел всех документов?

В Фарго был однажды такой случай. Умер миллионер. Обрадованные дети захватили все имущество. И уже начали, было, увольнять рабочих на заводе, когда пришло письмо от адвоката: «Настоящим уведомляю, что господин Сорасен-младший все свое состояние пожертвовал голодающим детям Эфиопии. Таким образом...»

Кто знает, не случится ли и сейчас что-нибудь подобное. Если так, то у Мелиссы не останется денег даже на обратную дорогу. Хотя возвращаться, конечно, не к спеху. Для нее все города одинаковы.

В автобусе Мелисса узнала, что ей досталось тринадцатое место. Дурной знак. Если бы она заметила раньше, то поменяла бы билет. Конечно, мать ей ничего не оставила. Да и с чего бы это вдруг? Разве Мелисса хоть раз побеспокоилась о ней? Когда Мелисса узнала о смерти матери, у нее даже не испортилось настроение. Бог ее за это накажет. Только она приедет, как адвокат скажет: «Мисс, я ошибся. Ваша мать все свое состояние завещала американскому заповеднику диких животных».

Но ничего подобного не случилось.

Вот оно, написанное рукой Дороти Гилберт завешание, и адвокат говорит со сладкой улыбочкой:

– Вы, конечно, не можете себе представить, что владеете такими деньгами?

– Нет, не могу.

– Я еще не получил всех подсчетов, но от тех, что уже приходят, у меня голова идет кругом.

Адвокат был очень молод. Он пригласил Мелиссу пообедать.

– Вы только не подумайте, что я пытаюсь с вами заигрывать, – улыбнулся он. – Я женат и люблю свою жену. Я вас пригласил, чтобы вам не пришлось есть в одиночестве.

– Спасибо.

– Что вы будете делать с этими деньгами?

– Я еще не решила. Вообще-то, я хочу подарить одному человеку бьюик-скайларк.

– Какого цвета?

– Синего. Небесно-синего.

– А кому, если не секрет?

– Одному индийцу. У него странное имя – Бог Тьмы. Ему очень понравились мои глаза.

– Кроме него, конечно, многие делают вам комплименты. Вы хотите им всем подарить по бьюику?

– Никто мне не делал комплименты искренне, а он сделал.

– Теперь многие будут делать вам комплименты, мисс Мелисса.

– Да, будут.

Мелисса остановилась в «Хилтоне». Надо было уладить кое-какие дела с бумагами. Вечером, перед тем как проститься, адвокат, улыбнувшись, сказал:

– Чтобы распорядиться деньгами, вам теперь потребуется опытный юрист.

– А вы опытный юрист?

– Нет. Зато надежный.

– Я буду рада, если вы будете мне помогать.

– Спасибо. Прежде всего я хочу нанять для вас двух телохранителей. Завтра с утра все устрою.

– Разве это необходимо?

– Да. Такой богатой девушке много чего необходимо. Америка – не лучшая страна для жизни, мисс Мелисса.

Всю ночь Мелисса думала, не происходит ли это во сне? В светлом и счастливом сне. Что если она сейчас проснется? Придет хозяйка квартиры и скажет: «Ты все еще не заплатила сто долларов за комнату. Ты можешь сегодня выписать чек?» Но ей не нравился этот сон. Очень не нравился. Будто ей предстоял длинный темный путь. В уютном тепле отеля «Хилтон» Мелисса дрожала от холода. Она позвонила и сказала служащему отеля: «Я не могу заснуть. Мне плохо».

XVI

В Мемориал-холле страшное волнение.

Там проводится кампания по сбору средств в пользу незащищенных океанских китов. Везде висят огромные плакаты: «Киты имеют право на жизнь!», «Грязные русские, прекратите охоту на китов!» Кое-где висит информация о том, сколько и где этих незащищенных китов уничтожено.

Две принаряженные девушки организовали в Мемориал-холле «будку для поцелуев». Чтобы их поцеловать, нужно заплатить два доллара. Все деньги идут в фонд защиты китов – уже большую сумму собрали. Девушкам, судя по их виду, от поцелуев ни горячо ни холодно.

Анис долго стоял и смотрел на «будку для поцелуев». Сколько живет он в Америке, а к некоторым вещам все не может привыкнуть. «Будка для поцелуев» – одна из них.

– Привет, Анис.

Анис повернулся – доктор Байер. В руках огромный сэндвич, улыбка до ушей.

– Ты уже пожертвовал в фонд защиты китов?

– Пока нет.

– Один совет: не целуй ту девушку в синей юбке. Она точно зубы не чистила, – доктор Байер разразился громким смехом.

– Анис, ты идешь обедать?

– Иду.

– Я могу составить тебе компанию?

– Конечно.

Анис занял свое любимое место. Народу никого – все пошли смотреть, как собирают деньги в пользу незащищенных китов.

Доктор Байер затараторил:

– Никто не любит американцев. Но только обойтись без них никак нельзя. Вот, к примеру, если в Америке случится неурожайный год, четверть населения в странах третьего мира погибнет. Все во весь голос кричат: «американцы – уроды!» – а сами же тянут к этим уродам-американцам руки за помощью! Ха-ха-ха. Вот знаешь ты, сколько тонн пшеницы закупила в этом году Россия? Не знаешь? Можешь представить?

Анис только угукал в ответ, но доктора Байера это вполне устраивало: он болтал то об одном, то о другом.

– Мне нужно идти, – вдруг сказал Анис.

– У тебя занятия?

– Нет. Пойду в библиотеку.

– Подожди пять минут. Я хочу кое-что у тебя спросить.

Анис пристально посмотрел на него.

– Я слышал, ты домой возвращаешься, – продолжал доктор Байер. – И уже заявление подал декану химического факультета.

– Это правда.

– Разумеется, это твое личное дело, но что-то я никак в толк не возьму, зачем тебе это? Ты хороший преподаватель, к тому же высококвалифицированный. С продлением визы проблем нет, потом можешь подать заявление на грин-карту.

– Плохо мне здесь, доктор Байер.

– Тебя нельзя за это винить, здесь отвратительная погода. Перебирайся-ка ты лучше в Калифорнию.

– Не в погоде дело.

Доктор Байер пристально посмотрел на Аниса.

– Тебе страна не нравится?

– Да.

– А есть ли в твоей стране такая свобода, как здесь?

– Нет.

– А есть ли в твоей стране что-нибудь подобное американской экономической безопасности?

– Ничего подобного тоже нет.

– Видишь ли, Анис, я знал много иностранцев, которые, закончив учебу, просто с ума сходили – мечтали вернуться на родину. Некоторые даже уезжали, но через полгода все прибегали обратно. Можешь назвать это разбитыми мечтами.

Анис ничего не ответил.

– Вы – иностранцы – живете, словно улитки, – проговорил доктор Байер, отхлебнув большой глоток кофе. – Вне своей скорлупы не можете ни с кем общаться. Это неправильно, вам надо постараться стать космополитами. Весь мир – вот ваша страна. Если так думать, то и будет вам везде хорошо.

Анис ничего не ответил.

– Ты, конечно, еще не был в «будке для поцелуев»? Ведь так? – торопливо проговорил доктор Байер.

– Нет.

– Пойдем со мной, поцелуешь их. Нельзя так отталкивать нашу культуру. Пойдем, посмотришь. Но держись подальше от той, в синей юбке. Я решил подарить ей огромный тюбик зубной пасты «Аква-фреш». Ха-ха-ха!

Анису пришлось пойти с доктором Байером на второй этаж. Девушки в синей юбке в «будке для поцелуев» не было, зато была другая в ярком шейном платке. Зубы белоснежные, как жемчуг. Спокойные голубые глаза. Анису показалось, что это стоит Мелисса. Давно уже не видел он ее. Девушка из «будки для поцелуев» посмотрела на Аниса и рассмеялась. Даже смех, как у Мелиссы.

– Чего стоишь? Иди, подойди к ней, – сказал доктор Байер.

Анис пошел как заколдованный. Подойдя поближе, он узнал свою студентку. Группа номер пятьсот два. Девушка протянула к нему руки.

– Здравствуйте, профессор, – сказала она звонким голосом.

Анис решил, что сегодня вечером с букетом роз снова пойдет к Мелиссе. Каких же цветов купить? До которого часа, интересно, открыт цветочный магазин в центре?

XVII

Нишанатх-бабу позвонил в семь утра.

– Привет, Шафик. Представляешь, что случилось? Алло, слышишь меня?

– Слышу, что случилось?

– Мне кто-то машину прислал. Бьюик синего цвета.

– Кто прислал?

– Ничего не написано.

– У знакомых спрашивали?

– С чего это вдруг мои знакомые станут мне машину дарить?

– А может, это ошибка? Чужую машину по ошибке вам прислали?

– Не-а. Мое имя написано.

– Да что вы говорите!

– Ты можешь приехать, Шафик? Я в полной растерянности.

– Через час приеду. Расскажу вам про проделки Джона Бахадура.

– Что-то новое натворил?

– Да-да, ушам своим не поверите. Тварь – исчадие ада.

– Seriously?

– Вчера вдруг вытащил из моего кармана записную книжку. Чтобы меня напугать, сделал вид, что собирается ее съесть. Представляете, чего вытворяет! Сидите дома, сейчас приеду.

– Ты что, прямо сейчас приедешь?

– Немного попозже. Только в лабораторию съезжу, накормлю животных завтраком и сразу же приеду. Сидите дома.

В девять тридцать пять доктор Льюис велел Шафику взять Джона Бахадура и отнести в лабораторию номер один. Шафик открыл клетку, Джон Бахадур медленно вышел и смиренно сел на колени к Шафику.

– У него, как посмотрю, спокойный характер, – засмеялся доктор Льюис. – Когда их вытаскиваешь из клетки, они так кричат. Шестым чувством понимают, с ними что-то случится.

Доктор Льюис сделал Джону Бахадуру два укола.

– Его теперь надо держать под наблюдением в течение двадцати четырех часов, – сказал он Шафику. – Посади его в клетку номер три.

Шафик заметил, что на Джона Бахадура напала сонливость – совсем не двигается. Шафик посадил его в клетку – тот дошел до середины и тихонько сел.

– Эй, парень, что с тобой случилось?

Джон Бахадур не скалил зубы, не высовывал язык, не кривлялся. Только смотрел на Шафика широко открытыми глазами.

– Что вы вкололи ему, доктор Льюис?

– Соли тяжелых металлов. Через тридцать шесть часов он умрет. Мы наблюдаем за эффектом отравления тяжелыми металлами. Будем следить, как падает кровяное давление.

Шафика начало трясти. Он подошел к клетке и дрожащим голосом позвал:

– Джон Бахадур, Джон Бахадур.

Джон Бахадур обернулся. Какой спокойный взгляд.

Обезьянки из соседней клетки испуганно смотрели на Джона Бахадура. Неужели они что-то понимают? Пришел Доктор Льюис и увидел, что зрачки у Джона Бахадура начинают расширяться. Из рта пошла пена, видно, кислород перестал попадать из легких в кровь.

– Доктор Льюис, мне очень плохо, – усталым голосом проговорил Шафик, из его глаз начали капать слезы. Джон Бахадур смотрел на Шафика. И тогда Шафик стал сдавленным голосом молиться.

Доктор Льюис удивленно наблюдал за ним. Чувствительный индеец. Кроме глупых сантиментов, нет у них ничего. Китайский профессор смотрел на Шафика широко открытыми глазами. Он что-то невнятно бормотал на своем китайском языке – наверное, восточные мудрости. Господи! Сколько же проблем с этими сентиментальными индийцами!

Шафик двумя руками схватился за прутья клетки Джона Бахадура и замер как изваяние. Ему показалось, будто Джон Бахадур подходит к нему, – Шафик закричал.

XVIII

– Мисс Мелисса, вы плохо спали?

– Да.

– Это все нервы. Надо было поговорить с доктором, он бы прописал какое-нибудь успокоительное, зря я не сообразил.

Мелисса открыла глаза и пристально посмотрела на адвоката. Этот молодой парень ей очень понравился.

– Я забыла, как тебя зовут, – сказала Мелисса. – Извини.

– Меня зовут Дэнис Бевар, можно просто Билл.

– Билл, тот «бьюик», который я просила послать...

– Уже отправлен.

– От кого не написали, так?

– Нет, не написали. Но, мисс Мелисса, ведь в этом все удовольствие, знать, как обрадуется человек, получив подарок, разве не так?

Мелисса ничего не ответила. Дэнис Бевар подмигнул ей и засмеялся.

– Чего смешного? – спросила Мелисса.

– Сегодня в «Нешнл Инкуаири» напечатали вашу фотографию. Вы скоро станете знаменитостью.

– Я себя нехорошо чувствую, – устало сказала Мелисса. – Сегодня никуда не хочется идти.

– Но, мисс Мелисса, сегодня надо съездить к окружному прокурору. Это займет всего несколько часов, честно.

Мелисса промолчала. Дэнис Бевар достал сигарету и, улыбаясь, продолжал:

– Оттуда поедем в «Чейз-Манхэттен банк», даю слово, там за тридцать минут управимся.

– А можно не сегодня?

– Нет, надо сегодня. Доллар – замечательная штука. «Доллар» – это ли не самый сладкий звук в мире? Но каким бы сладким это слово ни было, хранить деньги надо с умом, а это проблема.

Перед отелем стоял огромный шевроле. На заднем сиденье Мелисса увидела мужчину средних лет в летней куртке.

– Это Джим, – представил мужчину Дэнис Бевар. – Он ваша тень, будет рядом, когда вы выходите из дома. Он ваш телохранитель, очень опытный.

– Не нужно мне все это... – устало сказала Мелисса.

– Очень даже нужно.

– Что-то я себя плохо чувствую, – проговорила опять Мелисса, садясь в машину. – Не могу ни о чем думать.

– Хотите сегодня вечером в оперу?

– А что, можно достать билеты?

– За доллары можно купить что угодно.

– Да ну?

– Да. Если вы что-нибудь захотите, говорите мне, я устрою. Разве есть в мире вещь лучше доллара?

– Доллар – самая лучшая вещь в мире, да?

– Да.

Мелиссе показалось, будто у нее поднялась температура. Ее все раздражало. Бок о бок с ней сидел Джим, не человек, а статуя. За все время он сказал только: «Замечательная погода, мисс Мелисса».

В конторе окружного прокурора они пробыли два часа. Мелиссе ничего делать не пришлось, только молча сидеть и иногда подписывать какие-то бумаги. С самим прокурором пришлось еще минут десять поговорить. За эти два часа у Мелиссы ужасно разболелась голова.

По дороге в банк Дэнис Бевар тихо сказал Мелиссе:

– Мисс Мелисса, я понимаю, вас это все раздражает, но другого выхода нет.

– А в банк сегодня обязательно ехать?

– Да, я уже обо всем договорился.

Мелисса замолчала.

– Замечательная погода, мистер Бевар, – произнес Джим.

Дэнис Бевар ничего ему не ответил, а повернувшись к Мелиссе, тихо сказал:

– Я считаю, что ваши акции IBM необходимо продать: цены начали падать. «Уолл-стрит Журнал» читаете?

– Нет.

– Теперь придется регулярно читать. У меня на примете есть один аналитик, он будет приходить раз в неделю и разъяснять вам, о чем там пишут.

– Остановите машину, меня мутит, – сдавленным голосом произнесла Мелисса.

Остановиться не успели, и Мелиссу вырвало.

– Прошу прощения, – произнесла она.

– Ничего страшного. Теперь полегчало?

– Нет, стало только хуже. Отвезите меня, пожалуйста, в отель.

XIX

Не успели выехать на скоростную трассу, как их остановил полицейский патруль. Поступило предупреждение, что в районе Фарго будет сильная буря – уже начался снегопад. Все скоростные трассы закрыты. Том вышел из машины.

– Офицер, мне нужно ехать. Отец этой девушки умирает. В такой момент долг дочери быть рядом с отцом.

– Трасса очень плохая. Машины заносит, они съезжают с дороги.

– Я очень аккуратный водитель. Поеду не быстрее двадцати миль в час. Пожалуйста, офицер, пожалуйста!

– Но вы понимаете, насколько это опасно?

– Офицер, пожалуйста! Я сделаю все возможное и невозможное, но эта девушка увидит своего отца!

Они поехали очень медленно. Том осторожно вел машину. Раз он тихо сказал: «Возьми одеяло и закутайся хорошенько, Рун. Печка не работает».

Рунки укрыла одеялом ноги и ничего не ответила. Том включил тихую музыку. Это просто необходимо, когда ведешь машину ночью и борешься со сном. Звучала легкая мелодия польки. Рунки смотрела в окно. Миля за милей – лишь пустое поле. Все занесено снегом. Какая страшная красота!

XX

Анис пришел один.

Шел снег. Безлюдные улицы. Столбик термометра стал опускаться. Неясный свет фонарей. Кто знает, много ли выпадет снега? Дует северный ветер. Плохой знак. Анис постучался в комнату Эмили Джохан.

– Вы меня узнаете? – спросил он. – Мы встречались в Мемориал Юнион.

– Да, узнаю. Я теперь очень мало встречаю людей. Всех помню.

– Я искал Мелиссу Гилберт. Она мне очень нужна.

– Это вы тогда принесли для нее розы? Мне хозяйка говорила.

Анис не ответил. Эмили Джохан, немного помолчав, сказала:

– Мы, американцы, странный народ. Если чего-то хотим, то хотим этого всей душой, а когда получаем, жизнь для нас теряет свой смысл.

Анис ничего не мог понять.

– Мелисса Гилберт выпила снотворного и заснула... Долгим нескончаемым сном. Анис, вы не зайдете в комнату? Я написала прекрасное стихотворение о звездах.

Анис вышел на улицу. Все вокруг было покрыто снегом. Поверженный город.

Будет много снега. Непременно будет.

Анис пошел домой пешком. Безлюдными улицами овладели призраки. Как странно. На тротуаре под зонтом стояла худенькая девушка. Огонек сигареты на мгновение осветил ее усталое лицо.

– Привет, мистер. Какая отвратительная погода, – сказала она слабым голосом.

Анис промолчал. Подождав, девушка спросила:

– Как насчет свидания сегодня вечером?

– Нет, спасибо.

Но девушка все равно пошла за ним. Она бросила сигарету и спросила:

– Ты не купишь мне кружку пива? Какой невыносимый холод!

Однажды этот холод кончится. Придет лето с его ярким солнцем.

Американцы сядут в машины и поедут по хайвеям проводить где-нибудь свои отпуска. Монтана, Солт-Лейк, Йелоу-Стоун... Сколько всего стоит посмотреть. Они будут ставить в лесу палатки и проводить там летние ночи. Будет ярко светить луна. Юноши и девушки захотят пойти в лес.

Осторожно, бхуты!

ভয়ংকর ভূতুড়ে

I

Господин Ахлак жил в Дакке, в Калабагане. Маленький, огороженный забором домик в три комнаты стоял в самом центре района. Вокруг все уже было застроено огромными шестисемизэтажными домами, и таких маленьких домишек в округе больше не было. Хотя иногда господин Ахлак и стыдился своего жилища, но снести этот и построить на его месте дом побольше у него не было ни средств, ни желания. А какой смысл? Живет он один, зачем ему пять спален? Одной вполне достаточно. Он обсадил дом деревьями, которые уже разрослись и радовали глаз. Папайи, высаженные год назад, тоже совсем прижились и приносили вкусные, сочные плоды, чему хозяин был несказанно рад. Господин Ахлак вел очень мирное существование.

Но вот уже несколько дней, как спокойствие его было нарушено: в доме хозяйничали бхуты, невидимые существа, в которых верят только старухи и маленькие дети. Прямо в его спальне творилось такое, чему господин Ахлак и поверить не мог. Он ничуть не боялся – это, скорее, был стыд. В его доме могло быть что угодно, но только не бхуты. Рассказывать это он тоже никому не хотел, человек такому рассказу только криво улыбнется. А как иначе? Если бы Ахлаку рассказали, что кому-то не дают покоя бхуты, он бы тоже рассмеялся, что вполне естественно.

Началось все четыре дня назад в одиннадцать вечера. Ахлак опустил москитную сетку, выключил свет и лег, как вдруг, без всякой видимой причины, сама по себе включилась лампа. Как и любой другой, Ахлак решил, что с выключателем что-то не в порядке. Наши выключатели никуда не годятся: что-нибудь да сломается. Вот все и ищут иностранные. Он поднялся, снова погасил свет, вернулся в постель и натянул на себя покрывало – было прохладно. Лампа снова включилась. Ахлак сбросил с себя одеяло и сел в постели. «А не проделки ли это бхутов?» – подумал он и сам на себя разозлился: как такая мысль могла прийти ему в голову?! Смешно, да и только. Ведь ясно, что-то не так с выключателем: пружинка какая-нибудь не пружинит или шуруп не шурупит... надо вызвать электрика. Тут господина Ахлака осенило: «А что, если не выключать лампу?» Да и какой смысл, если она снова включится – пусть горит. Только он лег, как лампа сама по себе погасла.

– Муталеп! Муталеп! – позвал Ахлак.

Муталеп, мальчонка-слуга господина Ахлака, спал в соседней комнате. Ядерный взрыв в десяти шагах от него и то не потревожил бы его сон, не говоря уже о слабом голосе господина Ахлака, который знал эту простую истину, но звал Муталеба, сам не зная почему. Уж не испугался ли он? Ну и ну, стыдно-то как! Перепугаться бхутов и звать слугу, когда за окном – конец двадцатого века! Слава богу, что никто не слышал. Нельзя об этом никому рассказывать! Позор, в пятьдесят два года звать слугу из-за бхутов! Ну и дела!

Господин Ахлак постарался успокоиться. Горит лампа, не горит – он все равно сейчас заснет. Утром ему рано вставать. Занятия начинаются в восемь. Первой парой он преподает планиметрию и будет завтра объяснять новую главу – уравнение площади круга. Если он не проснется вовремя, то пропустит урок. Это студентам можно прогуливать, а преподава-

телям никак нельзя. Со сном у него никогда проблем не было: засыпал, стоило только лечь, но сегодня что-то не спалось. Сначала господин Ахлак все ворочался с боку на бок, потом встал и выпил стакан воды. Думал, поможет, но сон не шел. «Наверное, что-то не так с подушкой. Хорошо бы ее приподнять», – решил он. Он поправил подушку и услышал, как кто-то тихонько покашлял за mosquito сеткой. Раз, второй. Так кашляют, чтобы привлечь внимание, но кто может кашлять у его постели?

– Сэр, вы не спите?

– Кто тут?

– Это я, сэр.

– Кто «я»?

– Сэр, вы меня не знаете, я просто одинокий, объятый несчастьями бхут и, к своему великому стыду, я беспокою вас в столь поздний час. Простите меня. Сделайте милость, сэр. Ваши добродетели не позволят вам винить бедного бхута.

И тут господин Ахлак понял, что ему просто снится сон. Напугался сегодня бхутов, вот и привиделись. Хотя он в бхутов и не верит, но во сне-то с ними можно разговаривать. Нет поводов ни для стыда, ни для тревоги, даже забавно.

– Значит, бхут, да?

– Да, сэр. Раздавленный горем бхут. Заблудший и потерянный, пришел я к вам.

– Это ты со светом баловался?

– Йес, сэр.

– Ты по-английски говоришь?

– Немножко, сэр. Вери литтл. Не хватает практики, вот и ошибаюсь иногда.

– Раздавленный горем, говоришь? А в чем дело?

– Это длинная история и займет слишком много времени. Сэр, вы никуда не спешите?

– Спешу. Спешу лечь спать. Если я срочно не усну, то завтра пропущу урок. Два занятия и так уже пропали из-за забастовки.

– В таком случае, сэр, вас не следует больше беспокоить.

– Это точно. Вовсе не следует.

– Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи.

– Гуд найт, сэр.

– Гуд найт.

– Гуте нахт, сэр, шляффен зи гут.

– А это что?

– Это, сэр, «Спокойной ночи, спите спокойно» по-немецки.

– Ты и по-немецки говоришь?

– Не то чтобы говорю... Так, слышал кое-что, пока обитал в немецком Культурологическом институте пару дней. Но опять никакой практики. А без практики, сэр, иностранный язык в два счета забывается. Однако, сэр, пора. Еще увидимся.

– Хорошо. Кстати, а как ты попал в комнату?

– Через окно, сэр. Если позволите, я пойду, сэр.

– Ступай.

Господину Ахлаку показалось, будто оконная ставня немного шевельнулась, все смолкло. Ни звука.

Теперь господина Ахлака мучил следующий вопрос: если то, что ему казалось действительностью, на самом деле было сном, то как знать, спит он сейчас или нет?

– Муталерб, Мутале-е-еб!

Муталерб не подавал признаков жизни. «Да, без дубины здесь не обойтись, – подумал Ахлак, – по голове. Это бы его оживило».

Опять захотелось пить. А может ли вообще во сне хотеться пить? Размышляя об этом, господин Ахлак сам не заметил, как заснул... или это сон кончился?

Проснулся он в 9:10 в отвратительном настроении: бхутов он уже ненавидел. Раз уж он пропустил занятия, то самым правильным было бы вовсе не появляться сегодня в колледже. Надо вызвать электрика исправить выключатель, чтобы снова не проспал занятия из-за бхутов.

Господин Ахлак сам сходил за электриком, который поставил ему новый выключатель, немецкий. «Немецкий... Этот бхут что-то говорил по-немецки... “Гуте нахт” или как там? – мелькнуло в голове у Ахлака. – Смех да и только! Лучше никому об этом не рассказывать». Днем Ахлак поехал в Малибаган, другой район города, в гости к своей младшей сестре. Больше он ни у кого из родственников не бывает, не нравится ему у них, то ли дело жить одному! Поэтому он до сих пор и не женился. Сейчас он, правда, пожалел об этом: здорово бы было рассказывать деткам о бхуте, который знает немецкий! С близким человеком можно обо всем поговорить. Господин Ахлак был очень близок со своей младшей сестрой Милли, раз в неделю ему было просто необходимо ее видеть, иначе у него страшно портилось настроение. В сестре Ахлака раздражало только одно: стоило ей увидеть его, как она начинала: «Брате-ец, ты почему все один живешь, а?» Господину Ахлаку в его пятьдесят два года это совсем не нравилось, поэтому больше раза в неделю он у Милли не появлялся. Кроме того, Трина, Миллина дочурка, ужасно избалована и только портит господину Ахлаку настроение.

Милли не оказалось дома. Она ушла с мужем на какую-то свадьбу или что-то вроде того. Но дома была Трина. Она закричала: «Дядя!» – и подняла такой шум, что у Ахлака закружилась голова.

Он любил свою племянницу даже больше, чем Милли, но никогда этого не показывал. Если дети поймут, что их любят, они уже не оставят человека в покое, тем более дети избалованные. Кроме того, Трина была такой же болтливой, как и ее мать, – просто голова шла кругом.

– Какие новости? – серьезным тоном спросил Ахлак.

– У меня отличные новости, дядя, просто замечательные! Сегодня ты не уйдешь от нас, а останешься и будешь всю ночь рассказывать мне истории. Истории о бхутах.

Господин Ахлак зевнул:

– Я могу рассказывать какие угодно истории, но только не о бхутах.

– Нет! О бхутах, только о них!

– Никаких историй о бхутах!

– Почему?

– В конце двадцатого столетия не рассказывают истории о бхутах. И не слушают тоже.

– Почему же не слушают?

– Глупо это. Когда человек летает в космос, спускает зонды на поверхность Марса, смешно, что мы боимся каких-то фантастических существ под названием «бхуты».

– Ну, конечно! Да ты просто не знаешь историй о бхутах.

У Ахлака родилась, было, мысль рассказать ей, что произошло с ним прошлой ночью. Но он сдержался. Пугать детей – это преступление. Поэтому он начал рассказывать одну басню Эзопа.

– У стиральщика белья был осел. Однажды осел упал в чан с синькой, и его шкура окрасилась в синий цвет...

– Дядя, мне не нравится эта история про осла, – жалобно проговорила Трина.

– Тогда слушай историю про пастушка. Один пастушок пас на лугу овец. Он был большой врун и однажды ради шутки закричал: «Тигр! Тигр!»

– Я не люблю всякие поучительные истории. Просто терпеть не могу, – зевая, сказала Трина.

Тогда Ахлаку пришлось рассказать, что с ним случилось прошлой ночью, хорошо объяснив, что на самом деле все это происходило во сне. Нельзя, чтобы в голову ребенка закрались подозрения.

– Мне кажется, что к тебе на самом деле приходил бхут. Вот увидишь: он и сегодня наведается, лампа снова сама включится.

– Выключатель был сломан, – раздраженно сказал господин Ахлак. – Его отремонтировали, и сегодня ничего не случится.

– Случится, случится. Очень даже случится. Бхут осмелел, теперь еще больше историй расскажет. Мне кажется, и петь начнет. Кто знает, какие песни у бхутов?

Домой господин Ахлак вернулся в дурном настроении. Нельзя было рассказывать эту историю. Трина – девочка сообразительная, с фантазией, сделает из мухи слона. Потом еще одноклассникам расскажет. И закрепится вся эта ерунда в головах ее подружек, особенно тех, что поглупее. Если однажды подобные вещи попадают в голову, их бывает очень трудно оттуда вынуть.

Вечером он лег пораньше. Выключил лампу и, когда ложился в постель, ему было интересно, не загорится ли она снова. Ахлак даже разозлился на себя за это. Он же взрослый человек. Если уж в его голове засели эти мысли о бхутах, то можно представить, какие ужасные последствия они могут иметь для детей. Лампа не зажглась. Прождав довольно долго, он лег спать, чувствуя себя расстроенным и даже разочарованным. Неизвестно почему, но ему хотелось, чтобы лампа вновь зажглась сама собой.

– Сэр, вы уже заснули или еще нет?

– Кто это?

– Это я, сэр. Объятый несчастьями бхут. Прошлой ночью мы с вами немного беседовали. Перед уходом я сказал по-немецки: «Гуте нахт, шляфен зи велл!»

– Ах, так это ты!

Господин Ахлак перевернулся на другой бок. Он был уверен, что все опять происходит во сне. И это действительно было похоже на сон. Когда мы спим, то часто видим все шиворот-навыворот. В студенческие годы ему часто снилось, будто он приходит на экзамен и, засунув руку в карман, обнаруживает, что забыл ручку. Сон про бхута чем-то напоминал тот давний студенческий сон.

– Так, значит, ты пришел?

– Воистину, сэр.

– Вчера ты делал всякие фокусы с лампой, а сегодня почему же не делаешь?

– Вы же поставили новый выключатель, вот я ничего и не делаю. Не хочу портить хорошую вещь.

– Как тебя зовут?

Господин Ахлак услышал смешок. Это, наверно, и есть тот самый бхутский смех. Однако кровь не стыла в жилах от ужаса. Ахлаку этот смех даже понравился. Вполне нормальный, естественный смех.

– Над чем смеешься?

– Смеюсь над этим людским заблуждением в отношении бхутов. Вы считаете, что раз у вас есть имена, то и у нас должны быть. На самом деле это не так. У бхутов, сэр, нет имен.

– Как так? – удивленно спросил господин Ахлак.

– Мы представляемся по делам, а не по именам.

– Скажите-ка!

– Правду говорю, сэр. Возьмем, например, имена глупых бхутов: Дурак 1, Дурак 2, Дурак 3, Дурак 4... Чем больший дурак, тем больше номер. Узнав номер, вы сможете сказать, насколько это большой дурак. У людей нет такой системы, у вас по имени не поймешь, дурак человек или умный.

Господин Ахлак разинул рот, а бхут серьезным тоном продолжал:

– Наша система, сэр, глубоко научна.

– А по вашей системе, как тебя зовут?

– Писатель 74.

– Ты что, писатель?

– Есть такой грешок, сэр.

– Почему же грешок? Стать писателем не так-то просто. Писатель 74... Это значит, ты большой писатель?

– Получил, парочку наград, сэр. В прошлом году получил главную бхутскую награду – железную медаль. Железную медаль дают очень редко, сэр.

– Железную медаль получил, говоришь?

– А еще одна моя вещица включена в программу бхутошколы. Это высокая честь.

– И то правда. Ты стоишь или нет? Подвинь стул и сядь. Я с тобой на «ты» – неудобно как-то.

– Ничего неудобного, сэр.

– Садись, садись.

Ахлак услышал звук передвигаемого стула. Кто-то сел. Было темно, и он ничего не видел.

– А что за вещица в программе бхутошколы?

– Одна статейка.

– Как она называется?

– Это статья о людях, называется «Се человек!»

– Должно быть, интересная статья.

– Исследовательская статья, сэр. Для бхутят она трудновата.

– Ты пишешь только статьи или еще и рассказы с романами?

– Рассказы. Недавно вышла моя книжка под названием «Рассказы про человека».

– Ты бхут, а пишешь, как погляжу, все о людях.

– Как люди пишут о бхутах, так и я пишу о людях.

– Я бы послушал рассказик-другой.

– В таком случае, сэр, я принесу книжку?

– Принеси.

Бхут отправился за книгой, а господин Ахлак, дожидаясь его, заснул. В ту ночь ему так и не удалось послушать рассказ.

II

В колледже все знали Ахлака как серьезного человека. Почему-то все, кто преподает математику, вообще серьезны по природе – Ахлак выделялся даже среди них. Когда у него один урок, он проводит его и сразу уходит домой. Когда два или три занятия, тогда в перерывах между ними он сидит в преподавательской и читает газету. В разговорах преподавателей он никогда не принимает участия – не любит.

Но сегодня он сделал исключение. Как обычно, Ахлак сидел в преподавательской и читал газету, а рядом с ним сидел преподаватель бенгальского языка Шамсуддин Ахмед. Он беседовал с сидящим прямо напротив него Дабируддином, преподавателем логики. Эти двое были хорошими друзьями, вот только каждый божий день из-за любой чепухи между ними разгорались яростные споры. Бывало, что споры эти доходили до рукопашной. Директор даже запретил им садиться рядом. Тогда они стали усаживаться друг против друга и заводили непринужденный разговор, который плавно перетекал в спор, который вполне мог закончиться дракой.

Сегодня они заспорили о том, как давать имена. Шамсуддин имел привычку, что бы ни обсуждалось, переходить к Рабиндранату Тагору. У Дабируддина дней десять назад родилась дочка, но имя ей еще не выбрали. И поэтому Шамсуддин посоветовал:

– Назови ее Минакши. Рабиндранату Тагору это имя очень нравилось.

– А что означает имя Минакши? – спросил Дабируддин.

– «Мин» значит «рыба», а «акши» – это «глаз», получается Минакши – «рыбоокая»...

– У моей дочки глаза не как у рыбы. У нее вполне человеческие глаза. Зачем же называть ее Минакши? Ее тогда логично назвать Манушакши – «человекоокая»...

– Но имя Минакши очень нравилось Рабиндранату Тагору. И дочь самого Будходева Босу он назвал Минакши.

– А может, он потому ее так назвал, что глаза у нее были, как у рыбы, как у карпа.

Лицо Шамсуддина побагровело:

– Что ты имеешь в виду: глаза, как у карпа?!

– Ну если глаза не как у карпа, то тогда как у какой-нибудь другой рыбы, например, как глаза форели или лосося. Не такой человек Рабиндранат Тагор, чтобы давать имя в честь какой-нибудь рыбы просто так. Нет, не такой он человек, чтобы взять и вот так вот запросто придумать неподходящее имя.

Спор уже почти разгорелся, как вдруг, ко всеобщему удивлению, заговорил Ахлак:

– В самой сути процедуры наречения имени что-то не так. Процедура в корне ошибочна.

Пораженный Шамсуддин произнес:

– Что значит – ошибочна?

– Нужно, чтобы по имени человека мы хотя бы приблизительно могли судить о его характере.

– И каким же образом?

– Возьмем, к примеру, дураков, их имена все будут начинаться со слова «дурак», а кончатся числом, и по этому числу – показателю степени – мы сможем судить о том, насколько данный дурак является дураком. Чем больший он дурак, тем больше будет и показатель степени.

Дабируддин спросил:

– Ну а как быть с тем, кто дурак, но дурак образованный? Ведь в обществе и среди образованных людей дураки встречаются. И, надо заметить, весьма часто.

– И для них можно что-нибудь изобрести. Возьмем, к примеру, назовем такого человека Дурак 70 Образованный 40, то есть у него показатель дурости больше показателя образованности.

Шамсуддин от удивления открыл рот – настолько странных речей он никогда раньше не слышал. Дабируддин поинтересовался:

– А имена тогда слишком громоздкими не будут?

– Что ж, тут применима процедура сокращения. Возьмем все того же Дурака 70 Образованного 40, в результате сокращения этого имени получим Дуробр 70–40: от Дурака – дур, от Образованного – обр – получаем Дуробр, а показатели степени 70 и 40 будут записываться через черточку. Это ясно?

– Ясно.

Оба, и Шамсуддин и Дабируддин, пришли в полнейшее замешательство. Дабируддин спросил:

– Ахлак, голубчик, ты что, проводишь исследование по этой теме?

Ахлак не ответил. Прозвенел звонок, и он ушел в свой класс. Когда занятия закончились, он не стал возвращаться в преподавательскую, а пошел сразу домой. Но если бы вдруг вернулся, то узнал бы, что ему дали новое имя – мистер Дуробр 70–40.

Ахлак сегодня снова отправился к своей младшей сестре. Увидев его, Милли почти закричала:

– Что случилось, братец?

– А что должно было случиться? – раздраженно ответил Ахлак. – Ничего не случилось.

Тут подбежала Трина:

– К тебе ведь бхут приходил, правда? И на немецком с тобой разговаривал.

– Да нет. Это сон.

– Почему же тебе снятся такие бессмысленные сны?

– А что, сны можно выбирать? Что-то я не слышал, чтобы кто-нибудь мог заказывать сны.

– Братец, мне это очень не нравится. Ты живешь один, поэтому с тобой такое и происходит. Переезжай-ка ты жить к нам. Я тебе дам отдельную комнату. И Трине скажу, чтоб тебя не беспокоила.

– Да не стоит так сильно волноваться. Из-за простого сна...

– И лицо-то у тебя совсем синее.

Ахлак совсем отчаялся:

– Лицо синее, зеленое, красное. Мне что, его перекрасить в другой цвет?

Милли продолжала:

– Братец, послушай, подумай все же о женитьбе. На коленях умоляю, братец. Пли-из! Есть у меня на примете одна дама, такая, знаешь, необычная! Она была совсем юной, когда умер ее муж, после этого замуж больше не выходила. Ты одинок, она одинока. Кроме того, пятьдесят два года – это не возраст. Пикассо в восемьдесят два женился.

– Я что тебе, Пикассо? Ты видела хоть раз, чтоб я рисовал? И об этом больше ни слова!

У Ахлака одна сестра. Но ее любовь больше похожа на тиранию. Поэтому и ходит он к Милли редко. Но ей об этом не скажешь, а если скажешь, будет еще хуже.

– Братец, что будешь на ужин?

– Я на ночь не ем.

– Что ты такое говоришь, братец, думаешь, я тебя отпущу без ужина? Когда ты прошлый раз приходил, меня не было дома – я была на свадьбе. Там невеста была такая милая, красивая девушка, а жених – прямо обезьяна. Да и говорит странно, бормочет что-то, гнусавит. Как будто у него проблемы с носом. Увидел меня: «Сундарыня, канк понживаенте?». Слушай, он меня не знает, я его не знаю – и какое ему дело, как я поживаю?

Ахлаку стало совсем плохо. Раз Милли заговорила, уже не остановится. А дети учатся, глядя на мать. Вот и Трина в мать пошла, и тут уж хорошего не жди. Вот муж Милли – Абу Тахер – тот не болтун. Весь его разговор – только «да» и «нет». Это обнадеживает. Если б все в этом доме болтали без умолку, сюда вообще было бы невозможно приходить. Абу Тахер – доктор, член Терапевтического Общества. Такое впечатление, что без своей больницы он жить не может – домой приходит отдохнуть, поэтому разговорами себя особенно не утруждает, ему бы только вздремнуть.

Ахлаку все-таки пришлось остаться на ужин. Милли старалась, как могла. Ужин был, что называется, праздничный – плов с шаурмой. Плов, правда, получился недоваренный, а шаурма пересоленная – в рот не возьмешь. Но сказать об этом ни у кого не хватало смелости – очень уж она старалась... Абу Тахер скривил рот:

– Снова за стряпню взялась? Для чего тогда мы повара держим? Зачем самой-то готовить?

– Ко мне братец пришел, вот я и готовлю! – в голосе Милли прозвучало раздражение. – Ты что, хочешь, чтобы я кого-нибудь с улицы позвала нам готовить? Да чтобы я брата кормила чужой стряпней – не бывать такому! Не хочешь есть – не ешь! Я же тебя не упрашиваю, ведь так? Тебе что, не нравится, как я готовлю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.